

ЛЮБИМЫЙ

ДЕТЕКТИВ

ТАЛЕР ЧЕРНОКНИЖНИКА

Виталий Гладкий

Любимый детектив

Виталий Гладкий

Талер чернокнижника

«ВЕЧЕ»

2019

Гладкий В. Д.

Талер чернокнижника / В. Д. Гладкий — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Любимый детектив)

ISBN 978-5-4484-8136-9

В руки заядлого нумизмата Никиты Бояринова нечаянно попала редчайшая монета – рудничный талер с древней мистической историей, – которой не было ни в одном из каталогов. После этого начали происходить загадочные события, потрясшие жителей его дома и заканчивающиеся кровавыми драмами. Атмосфера вокруг монеты и ее владельца сгущается, пропадает любимая девушка Никиты Лиза. Молодого человека от таинственных пришельцев из прошлого спасают только астральная защита, созданная дедом Бояринова, brave омонцовцы и майор угрозыска Ляхов.

ISBN 978-5-4484-8136-9

© Гладкий В. Д., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Виталий Гладкий

Талер чернокнижника

Серия «Любимый детектив» была удостоена премии МВД РФ в 2018 году

ЛЮБИМЫЙ

ДЕТЕКТИВ

Знак информационной продукции **12+**

© Гладкий В.Д., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Глава 1

Первым был убит мой сосед снизу...

Я слышал какой-то шум и возню в квартире этажом ниже, но не придал этому никакого значения. Почему? Да все очень просто. Во-первых, сосед с нижнего этажа, который купил квартиру в нашем подъезде года два назад, обладал буйным характером. Как только подохнет, так сразу же спасайся, кто может. А пил он регулярно, почти каждый день. Работа у него была нервная.

Хам Хамыч (так моего соседа прозвала очень образованная тетка с верхним образованием, которая убирала в нашем подъезде) возглавлял какой-то очень солидный банк. И, судя по машинам самых дорогих иностранных марок, которые он менял, словно перчатки, Хам Хамыч имел весьма приличный доход, притом явно с «левых» операций.

Ну, это к слову. Теперь во-вторых: последние два или три месяца сосед-банкир жил один. От него ушли и жена, и даже домработница.

Дело в том, что он не только ронял мебель и бил посуду, но еще и поколачивал своих домочадцев. А так как женщины у нас нынче стали сверхэмансипированными (к свободе ведь идем, в светлое царство абсолютной демократии), то терпеть подобное обращение даже за большие деньги никто не желает.

После такого семейного фиаско Хам Хамыч начал буйствовать пуще прежнего. Только теперь он разбойничал в присутствии проституток, а также своих подчиненных женского пола, которые были не в силах устоять перед невероятным мужским обаянием начальника, в основном заключавшемся в его пухлом от кредиток портмоне.

Видимо, слух о разводе босса дошел до коллектива, возглавляемого Хам Хамычем, очень быстро, и юные прелестницы гурьбой ринулись занимать очередь за заветной отметкой в паспорте. Я их не осуждал – найти богатого жениха в наше время – это все равно что поймать дырявым неводом золотую рыбку в море-океане. Достойные мужики, тем более состоятельные, косяками не ходят.

И последнее – в этот момент я был очень занят. Как раз тогда, когда внизу начался уже привычный тарарам, я услышал нечто такое, от чего мое лазурное игривое настроение улету-чилось, словно сигаретный дым на сильном ветру.

– Ника, я беременна...

Это было сказано тонким, нежным голоском и очень тихо – мне на ухо. Но я вдруг услышал грозовой раскат, который потряс все мое естество до основания.

Беременна! Это когда же?.. Убей бог, не помню. Не было печали... От мысли, что через несколько месяцев я стану папашей и буду стирать в тазике изгвазданные детским поносом пеленки, у меня едва не помутилось сознание.

В общем, в этот момент я просто оцепенел. Наверное, раздайся за окном взрыв артиллерийского фугаса, я на него не среагировал бы.

– Почему молчишь? Ты не рад?

О эта женская непосредственность! Она может любого мужика свести с ума. Что значит – не рад? Это не то слово. Да я просто счастлив... б...! Это же надо, такая потрясающая и, главное, уникальная история приключилась – забеременела очередная девица. Как мне повезло, как повезло... У-у-у!

Едва сдерживая стон отчаяния, который так и рвался из моей груди, я ответил:

– Рад... – И уточнил: – За тебя рад.

– Это как понимать? – насторожилась моя пассия.

– Ну, ты же ведь очень хотела ребеночка.

– Да, хотела.

– Тогда все нормально. Ты получила его. Можешь теперь бить во все колокола.

Мою подружку будто шилом ткнули в заднее место. Она мгновенно заледенела и рывком приняла сидячее положение. Ее взгляд не предвещал ничего хорошего.

– Договаривай! – сказала она требовательно.

– Мне сразу выкладывать все свои мысли по этому поводу или по частям?

– Ника, не темни! Я уже знаю, что ты лис в человеческом обличье, но со мной такие штуки не проходят.

– Ты считаешь меня большим хитрецом? Дорогая, это заблуждение. Я наивен и недалек. Будь я хоть немного умней и предусмотрительней, этого разговора у нас не случилось бы.

– Та-ак... Значит, тебе наплевать на мое положение...

В голосе подружки прозвучали раскаты грома. Правда, пока еще дальние.

– Ну что ты, конечно нет! Я всегда относился к беременным женщинам с повышенным пиететом.

– Но я не просто женщина! Я твоя женщина. И внутри у меня находится твой ребенок.

– Да, это меняет ситуацию...

Я допил рюмку коньяка, которая стояла на прикроватной тумбочке, и закурил. Моя подружка смотрела на меня, прищурившись – словно снайпер перед выстрелом по живой мишени.

Она ждала, что я расколуюсь, как гнилой орех; то есть пушу слезу умиления, сознаюсь, что я гад, редиска и вообще нехороший человек, потом заключу ее в объятия, горячо и искренне облобызаю и, как истинный мужчина, не оставлю ее в беде, предложив руку и сердце.

Размечталась... Я нервно хихикнул – где-то в глубине души. Но на моем лице не дрогнул ни единый мускул.

– Однако все дело в том, – сказал я, приняв приличествующий моменту скорбный вид, – что я пока не готов стать отцом. Знаешь ли, старые холостяки все со сдвигом по фазе...

– Это ты старый?! – негодуяще фыркнула подружка. – Да на тебе можно с утра до вечера воду возить!

– Можно, – согласился я с легкостью. – Воду можно. Но что касается семейного воя – увы... – Я картинно развел руками. – Не сдюжу.

– И что мне теперь делать?

– Вопрос, конечно, серьезный. И однозначно ответить на него я не могу.

– Значит, все твои разговорчики о любви ко мне и прочая – это всего лишь пустая болтовня? Значит, ты вешал мне лапшу на уши?!

– Остынь, дорогая, не заводись... – Я предусмотрительно принял более удобную позу – чтобы вовремя соскочить с кровати, если вдруг моя подружка надумает поточить свои коготки о мою физиономию. – Никакой лапши я не вешал, все это время я был с тобой искренен, но не думал, что все случится так быстро.

Тут я натянул не себя маску недоверия и продолжил многозначительно, заглядывая ей в глаза:

– Подозрительно быстро...

– На что ты намекаешь?! – взвилась моя подружка.

– Напекаю? Тебе почудилось...

Мой голос был фальшив дальше некуда.

– Нет, не почудилось! Запомни и заруби себе на носу: никого, кроме тебя, у меня нет и не было. И вообще – как ты смеешь так думать обо мне?!

– Перестань, не заводись. Мои мысли о тебе легки и прозрачны, милая. Момент...

Я встал и направился в ванную. Мне хотелось побыть наедине с самим собой минут-другую, чтобы упорядочить мятущиеся мысли.

Закрывшись на задвижку, я оперся руками о раковину умывальника и посмотрел на себя в зеркало. Да, брат Никита, кажется, на этот раз ты влип по самое некуда... И что теперь делать? Изобразить благородного рыцаря и повести девицу под венец?

Оно, конечно, можно... но за какие шиши? Всего лишь два дня назад мне пришлось отвалить такие бабки за несколько старинных монет, что на них я мог бы гужевать полгода даже за бугром в лучших ресторанах и отелях. А снимать деньги со счета прежде времени не хочется – потеряю большие проценты.

В принципе, мне кое-какие денежки должны отдать в течение месяца. А если плюс к этому толкнуть еще и две-три серьезные монеты из моей коллекции, то на торжество нам вполне хватит. И даже на свадебное путешествие кое-что останется... куда-нибудь в Эмираты.

Тьху, тьху, изыди, нечистый! Что за дурацкая идея?! На такой шаг я могу решиться только под дулом пистолета. Продать монеты из коллекции! Ни в коем случае. Для меня коллекционирование старинных монет – это хобби, превратившееся в образ жизни. И менять его я не намерен.

Основная часть моей коллекции перешла ко мне в наследство от деда (который при советской власти был большим ученым, академиком). А сам я уже почти двадцать лет занимаюсь собирательством металлических денег различных эпох и государств. Короче говоря, в этом деле я, как говорится, собаку съел – стал общепризнанным докой.

Ход моих мятущихся мыслей нарушил грохот снизу. Мне показалось, что сосед расколотил унитаза. Это было что-то новое. Я с интересом прислушался. Но шум спустя две-три минуты прекратился, словно Хам Хамыч понял, что мешает мне сосредоточиться и устыдился своего нехорошего поведения.

Должен сказать, что ванно-туалетные комнаты в нашем доме (а он был еще сталинской постройки) представляли собой великолепную акустическую систему. Как это могло так получиться, я не могу даже представить, но слово, сказанное шепотом в ванной первого этажа, можно было услышать на четвертом.

Возможно, это было сделано с умыслом. НКВД хотело знать, что говорят ученые даже в туалете. Почему я так думаю? А все очень просто.

После смерти деда, когда я остался единственным его наследником и владельцем просторной академической квартиры в центре города (он как-то умудрился прописать меня на свою жилплощадь, что в те времена было архисложно), мои предки затеяли в дедовой квартире капитальный ремонт.

Вот тогда и вскрылось, что все комнаты были опутаны, как паутиной, тонкими проводками от подслушивающих устройств. Нашли мы и микрофоны советской поры. Они, как и провода, скрывались под слоем штукатурки.

Должен заметить, что микрофоны были выполнены на очень высоком технологическом уровне. Так сказал мой батя, который работал в каком-то засекреченном НИИ. Он в этих делах был дока.

Подслушивающих устройств не оказалось только в ванной и туалете. Но там они и не были нужны. Акустика комнат житейской надобности была и так совершенна. Некоторые наши соседи иногда устраивали в ванной целые концерты. Это когда нужно было высказать кому-нибудь все, что наболело, притом оставаясь инкогнито.

Представляете картину: утром ты моешься в душе или бреешься, а чей-то измененный акустикой до неузнаваемости голос кроет тебя как распоследнюю сволочь разными нехорошими словами.

Мало того что это слышишь ты (естественно, такая «критика» не добавляет тебе настроения перед началом рабочего дня), так еще и все жильцы подъезда жадно поглощают «информацию к размышлению», чтобы потом на скамейке перед домом перемыть все твои косточки.

У баб из нашего подъезда уже выработался условный рефлекс – едва начинает бормотать ванная или туалет, как они тут же бросаются к этим «репродукторам», даже не досмотрев очередную серию какого-нибудь тупого телесериала.

Ну, ладно, это небольшое отступление. Думай, Никита, думай! Что делать? Этот извечный русский вопрос предстал передо мной во всей своей неприглядной наготе. Жениться мне не хочется – это факт. Но факт и то, что моя подруга беременна.

(А может, она берет меня на понт? Чтобы проверить мои чувства к ней. Ах, как это было бы здорово! Увы, увы... Внутри уже угнездилась гаденькая уверенность, что она сегодня откровенна со мной как никогда прежде.)

Карету мне, карету!.. – сказал бы известный литературный персонаж, но как можно сбежать от приватизированной недвижимости, от престарелых родителей, друзей и от своей любимой коллекции?

Человек привязан к месту проживания сотнями невидимых уз. Редко кто соглашается на добровольной основе порвать их и начать писать продолжение своей жизни с чистого листа. Но все равно какое-то решение принимать нужно. Нужно! Плеснув в лицо холодной водой, я вышел из ванной... и увидел, что моя подруга уже стоит одетая.

– Ты куда? – спросил я удивленно.

(А внутри у меня все запело – нелегкий разговор откладывается! Завтра или послезавтра – это не сегодня и не сейчас.)

– Домой, – отрезала она, подкрашивая губы перед зеркалом в прихожей.

– Не понял... Уже поздно, на дворе полночь.

– Не переживай, провожать тебе не придется... – Она окинула меня с головы до ног уничижающим взглядом. – Я вызвала такси.

– Ну, если так... Тогда это меняет дело. – Я заботливо снял пушинку с ее плеча. – Мне тоже не мешает хорошо выспаться.

– И это все, что ты хочешь сказать мне на прощание?

– Нет, не все. Я хочу пожелать тебе доброго пути и спокойной ночи.

– Ника, какой же ты негодяй... Ну почему, почему я не раскусила тебя раньше?!

– Да, вот такое я... В общем, понятно. Я пересмотрю свои жизненные принципы, обещаю.

Дай мне только срок.

– Ты снова ерничаешь. Я уже устала от твоих дурацких шуток и розыгрышей!

– Не бери в голову. Это у меня наследственное. Я весь пошел в деда. Мой дед-академик из-за одной невинной шутки по поводу советской власти торчал три года на Колыме; между прочим, вместе со знаменитым конструктором космической техники Королевым. Как это ни грустно, но его спасла война. Деда изыали из лагеря в сорок первом, и он до сорок четвертого года пахал в «шарашке» – что-то там изобретал.

– Не обольщайся. Ты не такой везучий, как твой дед. Тебя ничто не спасет от женитьбы на мне. Понял?

– Во гневе ты еще красивее, моя дорогая. Кстати, тебе эта помада идет. Цвет – то, что надо. Освежающий.

– Не нужно кидать мне леща и переводить разговор в иное русло. Может, я и дурочка, но не до такой степени, чтобы не понять, куда ты гнешь. Даю тебе сутки на размышление! И ответ должен быть только положительным! Понял, негодяй ты эдакий?

– Понял, любовь моя, понял.

Я изобразил покорного ягненка, который стоял перед голодной волчицей на задних копытцах.

– Все, я убегаю – время. Целуй меня... не в губы, в щеку! Помаду размажешь. Я ведь сказала – провожать меня не нужно! Такси уже стоит у подъезда, а ты будешь одеваться полчаса...

Она ушла. Вскоре я услышал звук автомобильного мотора, который тут же растворился в ночной тишине. Мне попались на глаза старинные настенные часы. Они показывали половина второго. Хорошо, что стоянка такси почти рядом с моим домом, подумал я с облегчением. Этот факт меня здорово выручал. В нашем городе вызвать ночью таксомотор – большая проблема.

Теперь у меня есть время подумать. Нет, не о предстоящей свадьбе. А о том, как сорваться с крючка. Хотя, если посмотреть на ситуацию с другой стороны, то мне уже давно пора жениться. Как-никак стукнуло тридцать три годочка. Временной порог, от которого обычно начинаются большие свершения. Правда, у больших людей.

Я же всего лишь простой обыватель. Бог не дал мне никаких особых талантов. За исключением потрясающей лени. По-моему, Обломов – это мой прапрадед. Я просто обожаю валяться на диване и предаваться фантастическим мечтаниям. Иногда мне лень даже лишний раз сходить в магазин за продуктами.

Бездумно послонявшись по комнатам минуточку-другую, я пошел в ванную, принял душ, а затем направился на кухню, выпил стакан томатного сока и лег спать. Мне совсем не хотелось думать о своих любовных коллизиях. Смутное предчувствие какой-то большой беды вдруг овладело мною всецело, и я едва заставил себя уснуть. Правда, мне пришлось ворочаться не менее часа, пока наконец сон не смежил мои веки.

Всю ночь мне снились кошмарные сны. Я не запомнил их, но утром проснулся в холодном поту. Меня разбудило настойчивое камлание дверного звонка. Похоже, он оказался моим спасителем, потому как в этот момент в моих мозгах разыгрывалось кошмарное представление со мной в качестве главного действующего лица.

Мне снилась безбрежная равнина, усеянная обломками камней. Над горизонтом висел алый солнечный шар, который окрасил равнину в мрачный коричневатый-красный цвет. Я в диком ужасе стоял на небольшой возвышенности и глядел на окружающий меня каменный лабиринт. Там – и внизу, между булыгами, и на поверхности каменных обломков – копошились разные ползучие гады.

Я стоял и мысленно молился, чтобы они меня не заметили. Но самое интересное: я знал, что это сон, однако почему-то был уверен, что в любой момент он может стать явью. «Лишь бы среди этих тварей не нашлось своего всеведущего Вия, – подранком билась в моей голове испуганная мысль. – Лишь бы не нашлось...».

Не знаю, что было бы дальше, но тут над равниной раздался звон церковного колокола – ясный и чистый, как слеза младенца. Змеи и другие уродливые пресмыкающиеся начали рассыпаться в прах; лишь некоторым удалось ускользнуть в глубокие норы и забиться под камни.

Звук колокольного боя нарастал; он вытеснил из головы все мои дурные мысли и страхи. Я наконец обрел способность двигаться. Взмахнув руками, как крыльями, я оттолкнулся от возвышенности и – взлетел!

Полет мой был недолог, но захватывающ. Мне казалось, что я вернулся в детство. Это было непередаваемо прекрасное ощущение. Я купался в воздушном эфире, сплошь состоявшем из молекул счастья и радости.

И тут – какая жалость! – я проснулся.

Глава 2

«Какая сволочь будит меня ни свет ни заря?!» Я готов был убить идиота, который трезвонил, словно на пожар. Однако, посмотрев на часы, я понял, что ранним утром пятнадцать минут десятого назвать никак нельзя. Но делать было нечего – я поднялся и как был в одних плавках, так и пошлепал босыми ногами к входной двери.

– Кто там? – спросил я недовольно, не соизволив даже посмотреть в дверной глазок.

Мне почему-то подумалось, что с другой стороны двери находится моя ненаглядная подружка. Наверное, не выдержала столь длительной разлуки и примелась с утра пораньше, чтобы ковать железо, пока оно горячо.

Мудрое решение – я так ничего толкового и не придумал. А значит, мог поддаться ее нажиму. И тогда прости-прощай вольная волюшка...

Но я ошибся. Голос, который раздался из-за двери, был мужским и очень официальным: – Открывайте, милиция!

Ни фиги себе! Остатки сонного настроения улетучились в один миг.

К правоохранительным органам я отношусь, как к спящей змее – стараюсь обойти их стороной, не делая резких движений и даже не дыша, чтобы не привлечь внимания. Наверное, это у меня наследственное. От деда, который после отсидки едва не шараялся в сторону при виде любого человека в милицейских погонах.

А дед был уважаемым человеком, директором засекреченного НИИ, депутатом и носил на лацкане пиджака звезду Героя Соцтруда.

– Одну минуту! – продолжал тем временем молотить мой язык, действуя совершенно автономно от мыслительного процесса. – Я оденусь...

Быстро натягивая на себя спортивный костюм, я лихорадочно вспоминал все свои грехи. Их насчитывалось не так уж и много, но ведь были, были... Особенно по части реализации раритетных монет.

Совсем недавно я втюкал какому-то шведу (или скандинаву – хрен их разберет; для меня они все на одно лицо, как китайцы; в общем, не наши люди) подделку, которая потянула на «штуку» зеленью. На самом деле, эта монета-новодел стоила максимум сотню баксов. (Правда, сделана она была с потрясающим мастерством.)

Но я ведь не виноват, что кругом столько лохов. Хочешь заниматься нумизматикой – почитай умные книжки для начала. И посоветуйся со специалистами, если приобретаешь дорогой раритет.

Нет конечно же я не виноват! По крайней мере, в этом случае...

С этой успокоительной мыслью я и открыл входную дверь. Передо мной стоял представитель закона, худощавый мент в гражданской одежде с предусмотрительно раскрытой служебной ксивой, которую он спрятал в карман, едва я на нее взглянул.

Я успел прочитать только его звание и фамилию: «Майор Ляхов...» А дальше то ли Олег Петрович, то ли Орест Павлович... в общем, ОПа, приехали. Увидеть мента с утра пораньше, да еще на пороге собственной квартиры, это явно не к добру. И к бабке-ворожее не нужно ходить, все и так понятно.

– Вы Никита Бояринов? – вежливо спросил мент, изобразив глубокое уважение к свободе личности.

– Заходите, – сказал я, стараясь улыбаться как можно приветливей. – Вам можно было свое удостоверение и не показывать. Что вы опер, видно за версту.

– Да ну? – удивился мент. – И как это можно определить?

– По взгляду. Он у вас как у инспектора Мегрэ, знаменитого персонажа французских детективов, – острый и проницательный. Насквозь протыкает.

Это я бросил ему леща. На всякий случай. С милицией надо быть вежливым, приветливым и стоять перед представителем закона нужно на полусогнутых лапках. Впрочем, это относится и к зарубежной полиции. Законники любят, когда перед ними трепещут и заискивают.

– Не знал... – Опер невольно улыбнулся, хотя было видно, что ему не до смеха.

– Теперь будете знать. Так что вас привело ко мне в такую рань?

– Рань? – Он озадаченно посмотрел на свои наручные часы. – По-моему...

– Ах, да-да-да... – Я не дал ему договорить. – Совсем из головы вылетело... Сегодня я маленько пережал. Выходные...

Про выходные я сказал для понта. Пусть думает, что я серьезный занятой человек, который сильно умаялся после рабочей недели. На самом деле я был безработным – в общепринятом смысле этого слова. То есть не числился ни на госслужбе, ни в какой-либо частной конторе.

– Проходите, – сказал я любезно и провел опера на кухню.

Это было мое любимое место в квартире. Своими размерами и обстановкой кухня потрясала воображение любого гостя.

Она была похожа на салон какой-нибудь мадам из Парижа девятнадцатого столетия: резные диванчики и креслица, фантастически красивый обеденный стол с инкрустированной столешницей, лепнина с позолотой на потолке, кухонные шкафы из ценных пород деревьев... В общем, шик и блеск.

Такое чудо сотворила моя бабуля. Она была из дворян, любила старину и жестко соблюдала этикет. Ох, мне от нее доставалось... Бабуля строила меня, как армейские «деды» новобранца. В то время я готов был расстрелять ее из рогатки.

Но сейчас... Вернись то время, я бы стал перед ней навтыжку и исполнял бы не только все правила хорошего тона, но даже ее мысленные пожелания. Увы, я понял, как сильно любил свою бабулю только тогда, когда она умерла...

– Да-а... – только и сказал мент, окинув взглядом все это великолепиие.

– Кофе, чай?... – приветливо спросил я будничным тоном, будто мы были с ним знакомы сто лет и он пришел ко мне не по делу, а просто в гости.

Опер на мгновение замаялся, но все-таки не устоял перед соблазном.

– Если можно, кофе.

– Нет проблем...

Я сразу сообразил, что он спешит, что, похоже, дело у него ко мне серьезное, но какое именно – это вопрос. Нехорошие подозрения уже копошились в моей душе, вызывая непреодолимое желание спросить, с какой стати он ко мне приперся. Но я мужественно преодолел искушение и изображал благодушие и гостеприимство.

Кофе я сварил с потрясающей быстротой. Холостяки это умеют.

Для большинства из них приготовить себе что-нибудь нестандартное и вкусное – кара небесная. Поэтому главный козырь их поварского искусства – скорость приготовления пищи. То, что женщина растягивает на полдня (наверное, чтобы насладиться всеми фазами процесса), холостой мужчина варганит за считанные минуты.

Как это у него получается, трудно сказать. Видимо, бедного страдальца жалеет даже железная и вроде бы бездушная электропечка – начинает варить быстрее.

– Блеск, – сказал майор, отхлебнув пару глотков.

Кофе на этот раз и впрямь получился у меня отменным. Наверное, с испугу.

Обычно я мало обращаю на вкусовые качества этого энергетического напитка, хотя компоненты для него покупаю совсем недешевые – так было издавна заведено в нашей интеллигентной семье. Лучше меньше, да лучше – был когда-то такой коммунистический лозунг.

Но для меня главное, чтобы кофе бодрил, а не бросал в сон, как тот кофейный суррогат, который именуются «растворимым». После чашки растворимого кофе я нередко засыпаю, что называется, на ходу.

– Ваш сосед убит, – заявил опер буднично – будто сказал о прогнозе погоды на завтра.

Я едва не поперхнулся и резко поставил чашку на стол. Ничего себе новость! Подняв голову, я встретил острый, испытующий взгляд майора. Неужто он подозревает меня в том, что я замочил соседа?! Мать моя женщина... Кстати, кого именно завалили?

Мент будто подслушал мои мысли. Он продолжил:

– Хамович Геннадий Михайлович...

– Простите... кто это?

– Как, вы не знаете своих соседей? – с фальшивым удивлением спросил майор.

– Раньше знал. А теперь нет.

– Почему?

– Дом, знаете ли, элитный, потому как почти все квартиры выкуплены «олигархами» местного разлива. Это сейчас в порядке вещей. А они не имеют привычки являться ни свет ни заря с бутылкой в одном кармане и ливерной колбасой в другом для налаживания соседских контактов.

– Вы тоже принадлежите к олигархам? – не без иронии поинтересовался мент.

Сукин сын! Теперь я почти не сомневался, что, прежде чем прийти ко мне он перелопатил всю мою подноготную. Нынче это просто: ткнул в нужную кнопочку на компьютере – и на экране монитора появляется досье практически на любого человека. Век электроники... чтоб ей.

– Скорее к богачам, – ответил я дерзко. – Я богат своим внутренним содержанием. Можно сказать, гигант мысли.

– Понятно... – Мент скупно улыбнулся и одним глотком допил свой кофе. – Благодарю, – сказал он с несколько наигранной вежливостью и добавил извиняющимся тоном: – Я сегодня с шести утра на ногах. То одно, то другое... Так вот, Хамович – это ваш сосед с третьего этажа.

Хам Хамыч! Вот это новость! С ума сойти... Впрочем, по здравому размышлению, ничего в этом происшествии необычного нет.

Давно закончились перестроечные времена, когда бандитов и крутых бизнесменов отстреливали пачками, на дворе двадцать первый век, но все равно то здесь, то там еще постреливают. Но теперь уже на мелюзгу не размениваются, мочат фигуры крупные. А Хам Ха... пардон, Геннадий Михайлович, был не из последнего десятка. Его банк считался в городе одним из самых крупных и процветающих, если судить по местной прессе.

– Я так понимаю, вы пришли, чтобы узнать от меня какие-нибудь подробности из его жизни, – сказал я с уверенностью.

– Это верно.

– Так вот, заявляю вам официально: ни хрена о Хамовиче я не знаю. Мы никогда не общались, даже не были знакомы, а в круг его приятелей меня не подпустили бы и на пушечный выстрел. Он был крутым – и этим все сказано. А я простой обыватель, к тому же безработный.

– А почему вы не спрашиваете, где его убили и как?

– Насчет «как» у меня вопросов нет. Скорее всего, снайпер поработал. Или машину взорвали. Но это, как по нынешним временам, проза. А что касается вопроса, где это случилось, то мне он малоинтересен. Наверное, где-нибудь возле банка.

– Вы ошиблись дважды. Во-первых, он погиб не от пули и не от взрывного устройства – его зарезали, а во-вторых, эта трагедия случилась ночью, где-то в районе полуночи, и в его собственной квартире.

– В собств... – Меня вдруг переключило.

– Да, это так. И судя по тому, что мы увидели в апартаментах Хамовича, там шло настоящее сражение. Вы не могли этого не слышать.

– Сражение... – Я начал постепенно приходить в себя. – В общем, да... кое-что слышал... Кажись, в полночь.

– А если слышали, то почему не поинтересовались, что там происходит? Или все-таки интересовались? Дверь квартиры Хамовича была не заперта. Вот ваша уборщица, например, оказалась более любопытной. Это она нам рано утром позвонила.

Опять этот ментовский взгляд – острый и беспощадный... Уж не меня ли он подозревает в убийстве? А что, версия вполне подходящая. Повздорил с соседом и разобрался с ним по полной программе. Такие вещи случаются.

– Чужая жизнь – потемки, – буркнул я хмуро. – Это женщины любят совать свой нос во все щели. Лично мне претят такие вещи. А если более конкретно, то к тарараму в его квартире я уже привык. Он часто устраивал там «концерты» с битьем посуды, крушением мебели и мордобоем – то с женой, то со своими девками. Да и вообще сейчас не принято соваться, как раньше, к соседям, чтобы помочь в выяснении супружеских отношений. Люди замкнулись в своем маленьком мирке и не желают вывешивать грязное белье всем напоказ. Это в советские времена для таких случаев были и общественные суды, и профком, и партком.

– Были... – Майор нахмурился; наверное, вспомнилось что-то свое из этой серии.

– Вот и я об этом. Так что помочь ничем не могу.

– А криков о помощи вы не слышали?

– Криков не слышал. Хамович не впадал в истерику. Он всегда крушил молча. Наверное, наслаждался своей властью над бездушными предметами. Есть такой тип людей. Это те, которые переворачивают мусорные баки, ломают скамейки в скверах, пишут всякие гадости в подъездах и мочатся в лифтах. Вандалы. Для таких индивидов ушлые япошки устанавливают в отдельных комнатах резиновые изображения начальников в одежде и оставляют там кучу палок, чтобы подчиненные с психикой варваров отводили душу, мочалая статуя дубинками.

– У него были какие-нибудь стычки с соседями?

– Не знаю. Я уже говорил, что в моем подъезде живет сплошная крутизна. Богатые люди. А откуда у большинства наших нуворишей богатство, надеюсь, вам рассказывать не нужно. Вполне возможно, что он с кем-то из них повздорил, а у этих толстолобиков разговор короткий: пуля в затылок – и все дела. И больше никаких проблем.

– Значит, ничего вы не слышали, ничего не знаете, знакомства с Хамовичем не водили, в его квартире никогда не были...

– Абсолютно точно.

– А что, если мы случайно... – Тут взгляд опера потяжелел, налился свинцом. – Что если мы случайно найдем в его квартире ваши пальчики?

– Исключено.

– И все-таки?..

– Тогда я сам себе отрублю руку – чтобы не бегала самовольно там, где не нужно.

– Серьезная заявка... – Мент хмуро осклабился. – Что ж, тогда у меня есть предложение спуститься этажом ниже. Посмотрите, как живут ваши богатые соседи.

Что-то уж больно загадочно он выглядит, мелькнула в моей голове беспокойная мыслишка. Похоже, опер приготовил мне какой-то сюрприз. Но что именно? В квартиру к Хам Хамычу я точно не заходил. Разве что...

Тут я невольно похолодел. Был я в квартире Хам Хамыча, был! Перед его заселением, где-то чуть больше года назад. Правда, тогда она стояла без мебели: строители как раз заканчивали капитальный ремонт – отделяли плиткой ванную и туалет.

Меня позвал их бугор, Васька Штык, с которым я знался еще со школы. Он был на год старше меня, но в свое время мы с ним немало провели времени в дружеских компаниях, когда на столах стояли не только бутылки с минералкой.

«Никита, ты, кажется, собираешь старинные монеты...» – сказал он, дохнув на меня вчерашним перегаром.

«Ну...» – ответил я осторожно.

«Надо бы опохмелиться... да вот беда – филок¹ нету...» – продолжал Васька.

«Пойдем ко мне, налью тебе стопарь», – предложил я великодушно, пока не понимая, к чему он клонит.

«Не, мне одному не надо. У меня бригада...» – Он кивком головы указал на мужиков, которые усиленно делали вид, что не заинтересованы в нашем разговоре.

«Тогда что ты хочешь?»

«У меня есть для тебя товар, – ответил Штык. – Мы тут нашли несколько старинных монет... когда снимали старую напольную плитку в ванной. Там было что-то вроде тайника. Возьмешь? Отдам недорого, не сумлевайся. Ты ведь свой...»

«Покажь!» – сказал я, чувствуя, как в душе взвырвало ретивое – а вдруг? Что если эти мужики нечаянно откопали раритет? Такие вещи случаются.

Васька достал из кармана носовой платок, развернул его, и я увидел с десяток серебряных монет – в основном полтинники и рубли Николая II, притом неважной сохранности. Увидел – и не смог удержать вздох разочарования. Все это для меня проза. Такого добра, притом в свободной продаже, – завались.

Штык уловил мое настроение и скис. «Да сам знаю, что здесь дешевняк, – сказал он виноватым тоном. – Грамотный... Но куда я сейчас с ними пойду? Это тебе известно, где можно их толкнуть. Никита, я много не прошу. Нам надо полечиться...»

А я в это момент не мог вымолвить ни слова – смотрел на находку Васьки как замороженный. Так, наверное, бывает с золотоискателем, когда среди шлиха на дне промывочного лотка вдруг появляется большой красавец самородок. У меня, например, при виде монеты, которую скрывали николаевские полтинники и рубли, даже дыхание перехватило от дикого восторга.

Она тоже была серебряная, но несколько крупнее царских полтинников и рублей. Почерневшая от грязи и патины, монета имела совсем непрезентабельный вид. Наверное, поэтому хитрый, но наивный Штык запрятал ее под низ кучки, а сверху положил рубль более-менее приличной сохранности.

Мне хватило одного взгляда, чтобы понять – передо мною настоящее нумизматическое сокровище. Но я все-таки сумел сдержать свои эмоции и, скорчив кислую мину, ответил:

«Лады... Заберу эту дешевую хрень. Но делаю это только по старой дружбе!»

«Да и я об этом... – Не веря в свою удачу, расплылся в широкой улыбке Штык. – Школьная дружба, она завсегда...»

Он не нашел в своем скудном словарном запасе нужных слов, чтобы закончить мысль и досказал все языком жестов – как глухонемой.

«О чем базар, – кивнул я согласно и назвал цену. – Это чтобы вам хватило и на вечерний сабантуй».

«Братан! – возопил Васька. – Век не забуду! Ну выручил, ну выручил... Забирай!»

И высыпал монеты прямо мне в карман, дубина. К сожалению, он не знал одного из главных правил нумизматов: с монетами нужно обращаться как с маленькими детьми – бережно, осторожно, не бить, не швырять и лучше всего прикасаться к ним в мягких хлопчатобумажных перчатках.

Я действительно заплатил больше, чем получил бы Штык, просто сдав монеты в пункт приема драгметаллов. Похоже, в этом вопросе Васька ориентировался неплохо. Грамотный, повторил я его слова не без иронии.

Но что касается других – нумизматических – аспектов его находки, то здесь он был полным лохом. Нет, даже не так – ушастым лохом.

Дома я первым делом бросился к своему рабочему (если его можно так назвать) столу. Он у меня был особенный.

¹ Филки – деньги (*жарг.*).

Стол находился в кабинете деда и поначалу казался мне уродцем. Его смастерил еще дореволюционный столяр неизвестно для какого заказчика и непонятно для каких целей. Скорее всего, это был не стол, а секретер. Но он сильно смахивал на рабочее место современного слесаря-лекальщика.

Стол был массивным, двухтумбовым. Сделали его из украшенного резьбой дуба, а столешницу инкрустировали ценными породами деревьев. На столешнице высилась надстройка с многочисленными выдвижными ящичками и ячейками с дверками. И вся эта «мечта слесаря» была окована бронзовыми бляшками, изображавшими львиные морды и каких-то мифических животных и птиц.

В общем, этот древний уродец никак не вписывался в современный интерьер.

Поначалу я хотел его продать. Но знаток мебельного антиквариата Изя Шорец (или Изя Шнобель – так его прозвали из-за потрясающе большого носа, нависающего над верхней губой; настоящую фамилию Изи мало кто знал), осмотрев мой «раритет», сказал: «Никита, за этот хлам никто не даст тебе больше десяти шекелей. И то если потенциального покупателя напоить до положения риз. А это тоже нынче денег стоит».

Изя меня убедил. Он был докой в таких вопросах. Тогда я решил это дедово «наследство» выбросить к чертям собачьим.

Но не тут-то было. Оказалось, что стол не проходит ни в дверь, ни в окно. Интересно, как его затащили в квартиру?! Неужели стол определили на полагающееся ему место еще во время строительства?

Это было большой загадкой. Я ломал над ней голову целую неделю. Но так ничего путного и не придумал. Оставалось последнее – разломать стол к бениной маме и вынести его из квартиры по частям. Мне казалось, что это потрясающе верное решение.

Боже мой, как я был наивен! Я забыл, что в старину мебель делали не абы кто, как сейчас, а настоящие мастера своего дела, опытные столяры-краснодеревщики.

Нонешние мебели, сварганенные на живую нитку, да еще из деревостружечных плит, разваливаются сразу же после первой пьянки. На такие шаткие столы не то что облокотиться, полный стакан поставить боязно.

А я решил разобрать дубового монстра, как детский конструктор – без кувалды, топора и лома. (Да и где их было взять?) Интеллигент хренов...

Короче говоря, когда я наконец понял, что этот стол может выдержать даже наезд танка и что мне с моими хилыми силенками здесь вообще делать нечего, мой запал новоявленного спеца по интерьерам сразу испарился. Я плюнул на свой план, который предусматривал обновление мебели, и решил оставить все как было.

По натуре я не только лентяй, но еще и потрясающий бездельник. Моим жизненным кредо были три постулата из бездонной копилки народной мудрости: «Мы работы не боимся, пусть она боится нас», «Пусть работает трактор, он железный» и «От себя гребет только курица и бульдозер».

Все, точка. Емко и всеобъемлюще. Лучше не придумаешь. Чтобы там ни говорили разные зарубежные злопыхатели, а наш народ действительно велик. А русский язык – могуч.

Пусть скажут спасибо всякие там Джоны и Гарри, что русскому Ивану лень на них даже плюнуть. Иначе они так не вышивали бы по всему миру на танках и самолетах, размахивая своими поганками направо и налево.

Не будите лихо, пока оно спит тихо!

В общем, представив на миг, что мне придется куда-то плестись, кого-то искать (чтобы разломали и вынесли стол), а затем каким-то хмырям еще и денежку платить за это, я ужаснулся своей невиданно активной жизненной позиции и быстренько улегся на любимый диван – чтобы поразмышлять в спокойной обстановке о политических проблемах современности.

И как же я оказался прав в своей неизбывной лени! Есть такое выражение – «спеши помаленьку». Как часто мы по своей глупости и наивности бежим впереди паровоза, а затем удивляемся, почему по нам проехали его колеса.

Дубовый монстр стал моим рабочим столом. Столешница освещалась мощной электролампой, а в ящичках и ячейках хранились различные инструменты и химикалии для реставрации монет.

Чего там только не было: различные кислоты и щелочи в стеклянных пузырьках, аммиак, едкий натр, углекислый аммоний, спирт, ацетон, парафин и синтетические смолы для консервации монет, щеточки – щетинные, из тонкой латунной проволоки и со стекловолокна, скальпели, зубоорубочные боры, пасты, порошки... В общем, целая химическая мини-лаборатория.

На обширной столешнице (которую я, из несколько запоздалой жалости к старинному раритету, накрыл большим листом толстого стекла) стояли термостат, миниатюрная бормашина, микроскоп (как и стол, он был в годах; тоже наследство от деда), большая сильная лупа на фигурной подставке, а также вполне современная аппаратура для электрохимического восстановления поверхности монет, много места она не занимала.

Что касается самой коллекции монет, то я держал ее в массивном швейцарском сейфе, который сделали в 1939 году, как гласила табличка на его задней стенке. В нем когда-то лежали чертежи и записи деда.

Это был сверхнадежный несгораемый бокс. Открыть его, не имея ключа и не зная цифрового кода замка, не смог бы никто. По крайней мере, в нынешние времена.

Когда дед умер, за содержимым сейфа пришли товарищи из Лубянки. Этот момент я хорошо запомнил. Но сколько спецы КГБ ни бились, поделаться с замками ничего не смогли. Дело было в том, что дед никому не открывал тайну кода. Ключ нашли, он был в кармане его пиджака, а вот данных по швейцарскому кодовому замку – увы...

Промучившись с сейфом целый день, гэбисты начали кумекать. И додумались вызвать из зоны совершенно гениального вора-«медвежатника» по кличке Шнып. Он был таким старым, что, казалось, вот-вот рассыплется на ходу. Брехали, что Шнып успешно бомбил сейфы еще при царе-батюшке.

Ему пообещали свободу, если он справится с кодовым замком сейфа. Весь этот разговор происходил в присутствии всей нашей семьи, которая тоже была заинтересована в скорейшем решении проблемы с сейфом – там лежали денежки деда. (Между прочим, немалые – у деда почти каждый месяц были какие-то премии.) Поэтому я все слышал.

«Э-эх, касатики, – снисходительно ответил Шнып. – Зачем мне ваша свобода? Сами судите: у меня ни кола, ни двора, ни родных, ни близких, а в зоне все свои, там я авторитет, большой человек. Чифирок – пожалте, сдобную булочку – сей момент... Постель у меня мягкая, возле окна, простынки чистые, я накормлен, напоен, присмотрен... хе-хе... Что еще надо старому человеку? Ваша свобода для меня – смерть под забором. Так что спасибо за предложение. Но на замок посмотрю. Чего ж не уважить людей, коли просят».

Но едва Шныпа подвели к сейфу, как он тут же характерным жестом поднял руки к лицу – словно защищаясь от сильного света.

«Век свободы не видать! Начальник, я пас. Этот шнифер² мне не по зубам. Я на таком сгорел в пятьдесят восьмом. Тут нужен хороший слух, а мне ваши вертухай...³ извиняюсь... в сорок девятом так дали по лопухам⁴, что я наполовину оглох. Нет, не смогу. Ежели бы здеси нужна была тока отмычка...»

² Шнифер, медвежий шнифер – сейф (*жарг.*).

³ Вертухай – надзиратель, контролер ИТК (*жарг.*).

⁴ Лопухи – уши (*жарг.*).

Тогда решили вскрывать сейф с помощью газового резака. Для этого нужно было сначала вытащить его наружу и отвезти в какое-нибудь удобное место.

Перспектива потерять столь надежное хранилище семейных ценностей моих стариков явно не воодушевила. Но и воспрепятствовать всесильной «конторе» они не могли.

Глядя на их унылые лица, я не сдержался и воскликнул «Эврика!» – как великий Архимед, который, сидя в ванной, сделал какое-то важное открытие. (Какое именно – убей бог, не помню; в школе я звезд с неба не хватал.)

Мне было стыдно признаться, что я давно узнал код замка и частенько нырял в темное нутро сейфа, чтобы стащить сотню-другую рубликов из дедовой записки. Мне пришлось здорово потрудиться, дабы подсмотреть тот момент, когда дед начнет вращать диск с цифирью; а ключ от сейфа дедуля и не прятал, он лежал в письменном столе.

Для этого я соорудил целую систему из маленьких зеркал – почти что перископ; или стробоскоп – не суть важно, как ее можно было назвать. При этом я сильно удивился, обнаружив у себя столь выдающиеся способности к рационализаторскому творчеству.

На какие только жертвы не пойдешь ради женщин... К тому моменту я был влюблен по уши в Мими – Милочку Чердынцеву, которая училась в параллельном классе и которая обожала болтаться по разным значным местам.

Эта маленькая слабость, увы, требовала больших денег, а мне выдавали лишь несчастные гроши на завтраки и на кино. Не скажу, что мы были бедными, но в семье существовал железный принцип: ребенка баловать нельзя.

В этом вопросе и дед мне не сочувствовал, хотя очень любил меня и все же баловал; правда, не деньгами. Наступая на горло собственному принципу, дедуля привозил дорогому внуку из своих заграничных командировок такие классные штотки, что народ в школе на уши становился.

В общем, я был клевым, хорошо упакованным фраером, мажором, но без лишней копейки в кармане. Что конечно же не могло не смущать мою неокрепшую, юную душу...

Короче говоря, я раскололся и назвал код замка. Но при этом сделал вид, будто только сейчас его вспомнил.

Не думаю, что товарищи в штатском мне поверили, но дальше муссировать эту тему они не стали. Тем более что все документы и бумаги деда были в целостности и сохранности.

Но предки потом долго меня терзали, выпрашивая подробности моей странной «забывчивости». Я изворачивался как только мог. Они успокоились только тогда, когда я с проникновенным и скорбным видом сказал, что дед поведал мне эту большую тайну едва не на смертном одре.

Действительно, я заходил к нему в кабинет вечером – как раз перед тем, как его на следующий день нашли мертвым в своей лаборатории. Наверное, он уже что-то предчувствовал, потому как крепко обнял меня, поцеловал в лоб и сказал:

«Никушка! Запомни мои слова. Есть две самые прекрасные вещи в этом мире – молодость и любящая женщина. Самое паршивое, что все это заканчивается практически одновременно. Ты уже достаточно взрослый парень, поэтому я могу тебе это сказать. Торопись жить, Никушка, пока молод. И люби женщин. Многих женщин. Потому что в старости они будут твоим самым светлым воспоминанием».

Заветы деда были для меня святыми...

Однако вернемся к нашим баранам, как сказал какой-то старинный бумагомарака. То бишь к монете, которую добыл Васька Штык. Я включил настольную лампу и начал рассматривать ее через чудо-лупу, которую выцыганил у своего знакомого, Мишки Завгороднего.

Где он взял ее, я спрашивать не стал. Скорее всего, где-то стибрил. Этот сукин сын тащил все подряд (потому я никогда не приглашал его к себе домой, хотя он и набивался прийти в гости много раз). То есть тащил все, что плохо лежало.

А в нашей стране все плохо лежит. Некоторые особо шустрые сограждане ухитрились под шумок приватизации стибрить и нефтяные месторождения, и рудники, и целые заводы. И ничего. Миллиардерами стали, уважаемыми людьми. В министерских креслах сидят, ордена им дают. Чем больше стырил, тем круче орден и тем больше к тебе уважение.

Так что происхождение Мишкиной лупы мне было по барабану. По идее, он был клептоманом. А это такая болезнь, которую может вылечить только виселица или топор палача.

Я держал в руках так называемую «рудничную» монету. Такие металлические деньги начали чеканить в шестнадцатом-семнадцатом веках в Германии из серебра определенных рудников, которые обязательно указывались в надписи или изображении.

Существует немало монет из серебряных рудников Мансфельда, Гарца, Штольберга, Ильменау, Рудных гор и так далее. Правда, датированы они в основном восемнадцатым и девятнадцатым веками. Самыми последними рудничными монетами считались мансфельдские талеры, чеканенные в 1862 году.

Я имел несколько рудничных монет, в том числе два рейхсталера и гульден. Мне удалось прикупить их по случаю. При всем том стоили они совсем недешево.

Но эта была какая-то особенная монета, непохожая на остальные. Она здорово смахивала на довольно редкий брауншвейгский рудничный талер 1601 года. Только на первый взгляд. А на второй имела массу различий, которые у нумизматов ценятся больше всего.

Во-первых, увенчанный нимбом святой на реверсе монеты, который опирался руками на «андреевский» крест в виде буквы «X» размером с его рост, был одет не в монашескую хламиду, как обычно, а в тулуп с высоким стоячим воротником. На голове у него была странная шапочка, похожая на те, что носят пловцы, но с каким-то шишаком сверху.

Под ногами святого (уж не святого ли Якоба? – подумал я) виднелось изображение инструментов, которыми пользовались в то время горнорабочие, и двух тележек для вывозки руды на поверхность.

Во-вторых, легенда. Или проще – для непосвященных – круговая надпись на монете. Буквы легенды были латинскими, но когда я попытался ее прочесть, то у меня получилась сплошная абракадабра.

Неужто передо мной варварское подражание немецкому талеру? Тот, кто подделывал монеты, попросту не знал латыни и лепил, что ему в голову взбредет, пользуясь безграмотностью соотечественников. Но такие монеты имели хождение среди германцев в основном в эпоху великого переселения народов.

А это было... это было... дай бог памяти, в седьмом веке. Слишком рано для этой монеты. Чересчур хорошо она сделана. Будто вышла из-под современного пресса. А потом ее весьма искусно покрыли патиной.

Новодел? Нет, трижды нет! То, что монета старинная, я мог бы дать любые гарантии. Я действительно в нумизматике разобрался очень даже неплохо. А еще я обладал потрясающей интуицией на подделки. Провести меня было очень трудно.

Практически любая монета до сих пор была для меня как открытая книга. Я мог «прочитать» ее историю так, будто видел фильм или на худой конец комикс; у меня богатое воображение, но оно всегда конкретное и точное.

Ладно, подумал я, взглянем на аверс. Там точно что-нибудь раскопаю...

На аверсе был помещен графский герб. Это я определил по венчающей его короне. А вот дальше мне стало совсем интересно.

По углам гербового щита, за его пределами, были отчеканены два корабля. Один из них был драккар⁵ викингов – не узнать его просто невозможно. Он шел под парусом. А во втором

⁵ Драккар – боевая парусно-весельная ладья морских разбойников-викингов, на форштевне которой было установлено резное изображение дракона.

я признал норманнский средневековый кнорр⁶. Значит, монета может быть датирована никак не раньше тринадцатого века.

Но вот парус... Паруса, как такового, у кнорра не было. А мачта была, только очень низкая. Она стояла, как и положено, посередине корабля, а от утолщения сверху, похожего на котелок, исходили лучи. Они создавали, судя по рисунку, колебания, направленные вниз и в стороны.

Судя по тому, что под драккаром были изображены волны, он шел по морю. А вот кнорр скользил по облакам; их нельзя было спутать с волнами, древний гравер постарался на совесть.

Что это? Фантазия какого-нибудь свободолюбца? Как известно, и в древние времена мыслителей и изобретателей, далеко опередивших в своих мыслях время, хватало. Вспомним хотя бы миф об Икаре.

Но на монетах, да еще средневековых, никаких фантазий мне встречать не доводилось. За этим строго следила католическая церковь и ее передовой отряд – можно сказать, «ум, честь и совесть» эпохи Средневековья – святая инквизиция, прообраз большевистского ГПУ или более позднего КГБ.

Такого гравера с избытком фантазии в лучшем случае ждала дыба, а в худшем – огонь. Между прочим, глядя на наши современные дела, я иногда ловлю себя на мысли: а так ли уж был неправ Торквемада⁷, когда отправлял на костер всяких умников и ведьм вместе с колдунами?

Останься все по-прежнему, гляди, жили бы мы сейчас тихо-мирно, не зная ужасов Освенцима и Хиросимы, не было бы атомных бомб в арсеналах, а газеты не пестрели бы объявлениями шарлатанов-экстрасенсов и прочей братии, наживающейся на чужом горе.

Если бы... Это «бы» преследует человечество всю его не так уж и длинную историю. Естественно, по сравнению с той далекой эпохой, когда на Земле зародилась жизнь.

Герб... Чей он, навскидку не скажешь. Но этот герб мне тоже незнаком. Нужно будет, подумал я, поискать в справочниках по западноевропейской геральдике. Что касается надписей, то и здесь латынь, и опять бессмыслица.

В конечном итоге, вдоволь насмотревшись на свое приобретение и порывшись в справочниках, я понял, что зашел в тупик. Мне не смогли помочь ни мое чутье, ни мой опыт нумизмата, ни справочная литература. Монета идентификации не поддавалась.

Это здорово задело меня за живое. Монета-загадка будоражила воображение, толкала на новые исследования и изыскания, на какие-то подвиги, но я был не только ленив, но и благоразумен. (Правда, временами.)

По идее, мне нужно было еще посоветоваться с нашими городскими зубрами нумизматики. Это уже была конечная инстанция для коллекционеров. Патриархов нумизматики насчитывалось всего двое – Князь и Паташон. Это их прозвища. А еще молодые нумизматы вроде меня называли Князя Дедом.

Когда эти клички к ним прилипли, уже не знал никто, потому что Князю стукнуло семьдесят восемь, а Паташон вообще был без возраста. Мне, например, казалось, что он родился еще в девятнадцатом веке. Это если судить по его воспоминаниям.

Паташон был маленького роста, худой, как узник концлагеря, и всегда носил зонт-трость. Эдакая старуха Шапокляк в мужском обличье. А вместо ручной крысы Паташон держал большого и злобного пса.

Что касается Князя, то у него и впрямь были замашки крутого аристократа. Одевался он с иголочки, выходил в свет во фраке и при «бабочке», носил золотой перстень с черным

⁶ Кнорр – грузовое парусное судно норвежских викингов с высокими надводными бортами.

⁷ Торквемада (1420–1498 гг.) – монах-доминиканец, глава испанской инквизиции.

бриллиантом, обедал только в лучших ресторанах города, и если там не было паюсной икры, то за стол не садился.

Такая, знаете ли, маленькая человеческая слабость...

Мне очень хотелось посмотреть их коллекции в полном объеме. (Кстати, ворами тоже.) Но это было практически невозможно. Если старики и выставлялись, то показывали не самые главные и не самые ценные экземпляры.

К тому же ни Князь, ни Паташон не отличались гостеприимством (хотя первый был ко мне весьма благосклонен, и я несколько раз бывал у него в гостях). Выражение «мой дом, моя крепость» как нельзя лучше подходило этим двум зубрам нумизматики.

Оба жили бобылями (у Князя, кажется, все-таки были дети и внуки), и оба сделали из своих квартир первоклассные музейные хранилища с хитроумными замками, сигнализацией и разными ловушками.

И все же несколько лет назад одному деловому, домушнику с большим «стажем», каким-то образом удалось проникнуть в жилище Паташона, естественно, в отсутствие хозяина. Это еще когда у него не было пса.

Паташон в этот день ездил на овощной рынок, а так как поторговаться он любил и, кстати, умел, то задержался там дольше обычного.

Конечно же сработала сигнализация, шум, гам, тарарам, приехала вневедомственная охрана, менты зашли в квартиру... и нашли там совершенно безумное существо, которое, пока его вели под белые руки к милицейской машине, обмочило весь тротуар.

Что там случилось с воров в жилище старого нумизмата, что его столь сильно напугало, никто так и не узнал. А сам домушник, когда пришел до памяти, молчал об этом как рыба об лед, будто дал нерушимый монашеский обет.

Однако с той поры деловые обходили жилище Паташона десятой дорогой, а разная мелюзга просто не могла сладить с очень дорогими замками, которые были сработаны по индивидуальному заказу где-то за бугром.

Это все к слову. Так вот, идти с моей монетой за советом к кому-либо – а тем более к Князю или Паташону – было небезопасно. На моей памяти произошел поучительный случай с ценным коллекционным экземпляром.

Один парнишка, птенец в нашем деле, разместил в Интернете скан уникальной монеты. Видимо, хотел толкнуть ее за рубеж. По самым скромным прикидкам, монетка тянула тысяч на пятьдесят «зеленю». Это если продать ее, не торгуясь.

Но на нумизматическом аукционе «Сотбис» за этот раритет дали бы как минимум вдвое больше. Ну очень редкий, а значит, особо ценный экземпляр.

Так вот, после своей засветки малец прожил ровно неделю. Его нашли мертвым в собственной квартире. А монета, естественно, исчезла.

Поэтому в нашем деле конспирация стоит на первом месте. Коллекционеры – в особенности богатые, нувориши, – еще те безумцы. Чтобы добыть приглянувшийся раритет, не остановятся ни перед чем. А мой талер явно относился к разряду редких, уникальных монет. Это и к бабке не ходи.

Я, конечно, доверял старикам, но ни Князь, ни Паташон, насколько я знал, не были ангелами во плоти. Так что мне нужно было крепко подумать, прежде чем устраивать смотрины моему таинственному талеру.

Глава 3

Все эти мысли пролетели в моей голове за то время, пока я вместе с опером спускался по лестнице к квартире уже покойного Хам Хамыча. Возле входной двери его апартаментов стоял на страже очень серьезный мент, а рядом с ним, прислонившись к стене, изображал из себя кариатиду⁸ наш участковый Евсеев.

Он был бледным до синевы и явно чувствовал себя нехорошо. Что это с ним? – подумал я мельком и любезно раскланялся. На всякий случай. Евсей, как звала его местная шпана, был очень злопамятен.

Ответного приветствия я не получил. Это было странно. С участковым у меня сложились хорошие отношения. Он иногда заходил ко мне на огонек, и я угощал его рюмочкой хорошего коньяка и чашкой кофе.

Но сейчас, как мне показалось, он просто меня не заметил. Евсей стоял едва не по стойке «смирно», икал, будто с перепоя, и таращился куда-то в пространство.

Мы вошли. Опер впереди, я – за ним. В квартире Хамовича было людно – работали эксперты. Ого! – подумал я, глядя на них с глубины прихожей. Не много ли спецов понаехало, чтобы посмотреть на труп? Ладно – труп мини-олигарха местного разлива. Пусть так.

И все-таки...

Мое недоумение испарилось в один миг, едва я переступил порог гостиной. Здесь убивали Хамовича. Что это злодейство случилось именно в гостиной, сомнений у экспертов не было, а у меня – тем более.

Труп уже убрали, лишь на ковре виднелись контуры человеческого тела, очерченные мелом. Какая ирония судьбы... От богатого, имеющего все – нет, даже больше, чем все, – человека, осталось лишь контурное изображение.

Но эта мысль только слегка коснулась моего сознания и тут же испарилась. Я поднял голову и посмотрел на интерьер гостиной.

Мать моя женщина! Вся мебель и все стены гостиной были в крови. Лужа крови виднелась и на полу, однако на темно-красном фоне ковра ее трудно было заметить с первого взгляда.

Но зато на стенах... Создавалось впечатление, что убийца макал свои руки в кровь и оставлял оттиски на светлых обоях. Он разрисовал не только стены, но и мебель, в том числе диваны и пуфики; даже на стеклах виднелись брызги крови. Это был не просто убийца, а какой-то безумный мясник.

Мне мгновенно стало дурно. Совершенно не соображая, что делаю, я круто развернулся и бросился вон из квартиры Хамовича.

Как я не вырвал на лестнице, не знаю. Я мужественно сохранил содержимое своего желудка до клумбы перед домом. Ну а там уже я раскрыл свои хляби по полной программе.

– Ну, налился... – раздался неподалеку осуждающий женский голос.

– Ага, с утра пораньше, – поддержала ее другая женщина.

– Жрут ее, проклятую, жрут... Когда уже напьются?

– Паразиты...

– А с виду интеллигент.

– Угу...

«Миленькие, – думал я вяло, не в силах оторваться от деревца, за которое схватился, как утопающий за соломинку. – Канайте на хрен дальше! Мне сейчас не до вашего бабьего базара...»

⁸ Кариатида – колонна в виде женской фигуры, поддерживающая выступающие части здания.

Увиденное потрясло меня до глубины души. Нельзя сказать, что я никогда не видел крови. Несколько раз приятели брали меня с собой на охоту, где убийство живых существ само собой разумеющееся дело.

Правда, толку от меня как от охотника было мало, но убитых зверей и птиц я видел, и кровь животных не вызывала во мне таких бурных эмоций. В принципе, я соглашался принять участие в охотничьих забавах только по одной причине – чтобы во время охотничьего застолья с хорошей выпивкой всласть пострелять по бутылкам.

А стеклотары после каждой охоты было завалишь...

Но когда я увидел следы даже не убийства, а кровавого побоища, все во мне перевернулось. Я вдруг ощутил себя слабым и беззащитным. Мне захотелось, как в детстве, спрятаться под длинное пальто мамки и почувствовать себя укрытым в надежном бастионе.

– Вы тут живы? – раздался за спиной участливый голос майора Ляхова.

– Жив. Но не сказал бы, что хорошо себя чувствую.

– Это пройдет. Возьмите... полегчает.

Я обернулся и увидел, что он протягивает мне бутылку минералки. У него что, запас для таких случаев имеется? – подумал я мельком. И жадно прильнул к горлышку.

Бутылка показала дно в один миг; в ней было всего лишь треть литра. А я почувствовал значительное облегчение. Мне стало так хорошо, как не бывало даже с глубокого похмелья, когда для поправки принимаешь первые сто граммов. Я просто забалдел.

– Дайте закурить, – попросил я у мента.

Тот с огорчением развел руками и сказал:

– Сам бы курнул, да сигареты все вышли.

– Не беда, – ответил я Ляхову, поискал по двору глазами и позвал: – Лукич! Дуй сюда.

– Чего тебе? – спросил Лукич, когда подошел к нам, опасливо косясь на Ляхова.

Ишь ты, невольно восхитился я, мента за версту чует. А ведь опер в штатском.

Лукич был нашей дворовой легендой. Его посадили в акkurat перед смертью Сталина, в январе 1953 года. И ясное дело, за «политику», несмотря на то что ему было тогда всего шестнадцать лет.

Провинность Лукича перед родиной и коммунистической партией заключалась в достаточно невинном анекдоте о советских партайгеноссе. Это, конечно, были мелочи, даже в те жестокие времена не всех за такие анекдоты сажали. Но, похоже, кто-то здорово подсуетился, кропая на Лукича донос, и навесил на глупого пацана столько, что ему всучили «червонец» – десять лет.

И все же Лукичу здорово повезло: «вождь всех времен и народов» вскоре откинул копыта, власть в стране чуток переменялась, и Лукич попал под амнистию, даже толком не отведая лагерных щей. Его реабилитировали, что называется, по всем статьям.

В городе он не задержался – завербовался и уехал в районы Крайнего Севера. От греха подальше. А оттуда Лукич каким-то образом попал в арктическую экспедицию, где и кантовался почти тридцать лет, получив за свои труды орден и несколько медалей.

Возвратился Лукич в родные пенаты лишь после смерти родителей – чтобы квартира не пропала. Но сердцем он навсегда остался с Севером.

А еще Лукич был страшным сквернословом и сторонился ментов, как зачумленных. Видимо, даже недолгое пребывание в лагере оставило в душе заслуженного полярника незаживающий рубец.

С Лукичом мы дружили. Он знал, что и мой дед побывал в мес тах не столь отдаленных и по той же статье УК, что и он. Это обстоятельство способствовало нашим доверительным отношениям. Я любил слушать его побасенки о Севере, а он мог часами сидеть за моим рабочим столом, рассматривая монеты.

– Угости нас сигаретами, – сказал я, пожимая ему руку.

- У меня кубинские, – предупредил Лукич.
- Хрен с ними... Давай.

В экспедициях Лукич привык к крепким кубинским сигаретам, которые у непривычного к ним человека вышибают слезу и кашель. В те времена нищая послереволюционная Куба могла расплатиться за советские товары разве что ромом, тростниковым сахаром, сигарами и дешевыми сигаретами.

А поскольку кубинские табачные изделия некуда было девать, – наш народ курил тогда в основном «Приму», «Беломор» и болгарские сигареты с фильтром – их втюхивали в различные экспедиции, отправляли на комсомольские стройки и в прочие отдаленные места, где курящему человеку просто не оставалось иного выбора, как смолить то, что есть в наличии в магазинах, вспоминая все бородатого команданте Фиделя.

Мы закурили. Я почему-то не ощутил никакого вкуса. Что касается майора, то он мужественно пытался не закашляться. Лукич наблюдал за нами не без иронии, но помалкивал.

- Ты иди, иди... – сказал я, слабо махнув рукой.

Ляхов своим суровым ментовским взглядом подтвердил мое желание.

Лукич сумрачно кивнул головой и нехотя свалил. Он жил в соседнем подъезде, и ему уже было известно об убийстве Хам Хамыча. Думаю, что Лукич сочувствовал мне, так как знал, что быть даже свидетелем в таком деле – не мед.

А еще я хорошо знал, что пенсионер Лукич от безделья страдает манией любопытства, но сегодня он никак не мог подобраться к квартире Хамовича поближе – вахтенный мент отгонял. Поэтому Лукич, насторожив уши, и мыкался по двору туда-сюда, пытаясь выудить хоть что-то из разговоров служивого люда.

- Кто это? – спросил майор.

– Ваш будущий клиент.

– То есть?..

– Он живет на первом этаже в следующем подъезде. По идее, вы обязаны и его допросить. Как возможного свидетеля.

- Опросить, – поправил меня Ляхов.

– Это что в лоб, что по лбу.

– Не скажите... – Майор коротко улыбнулся. – Разница между допросом и опросом есть.

И существенная.

– Мне бы не хотелось узнать, в чем она заключается.

– Все верно: большие знания – большие горести...

Некий намек, прозвучавший в последней фразе Ляхова, заставил меня внутренне вздрогнуть. А мент, оказывается, философ, подумал я. Шибко грамотный. Скорее всего, учился на юридическом факультете университета, а не в школе МВД.

- Пойду домой, – сказал я устало. – У вас еще есть ко мне вопросы?

У меня было такое состояние, словно меня избили.

– Пока нет. Большое вам спасибо, – любезно ответил майор.

– За что спасибо? Я ведь ничем вам не помог. Ах да, кофе... Но это мелочи.

– Кофе у вас и впрямь великолепный, и я искренне за него благодарен. А что касается вашей помощи в расследовании... Вы раскрыли характер человека, в какой-то мере его внутренний мир, привычки и наклонности.

– Ну, о буйном нраве Хамовича, наверное, все знают...

– Не скажите. Поведение человека на работе и дома разительно отличается. На работе некий индивидуум душка, а дома – тиран. Так бывает очень часто.

– Может быть. Я не силен в психологии.

– И кстати, о том, что покойник поколачивал своих домочадцев, от вас я услышал впервые. А это наводит на некоторые размышления...

Я индифферентно пожал плечами. Мне его заботы и версии преступления были до лампочки. Своих проблем хватало. Тут я некстати вспомнил о подруге с ее заявкой на вакантное место моей супруги, и настроение упало ниже нулевой отметки.

– Возможно, мне придется потревожить вас еще раз, – сказал мент.

– Да сколько угодно... – буркнул я и поторопился скрыться в подъезде.

Верно говорят – слово, сказанное всуе, часто имеет продолжение. Лучше бы я в этот момент прикусил свой глупый язык. Увы, тогда я даже не мог предположить, что наша следующая встреча уже не за горами.

Моя просторная квартира вдруг стала давить на меня, жать, как новые, не растоптанные ботинки. Я не находил себе места. Что бы я ни делал, перед моим внутренним взором вновь и вновь появлялась картина разора в гостиной Хамовича. И везде кровь, кровь, кровь...

Я несколько раз бегал в ванную, чтобы опорожнить желудок. Но ничего, кроме желудочного сока, выдавить из себя уже не мог. Меня душили спазмы, и я с трудом глотал теплую кипяченую воду.

Когда наступило очередное облегчение, я сказал сам себе: нет, все, хватит! Надо куда-то слинять. И принять на грудь как минимум пол-литра чего-нибудь покрепче. Иначе у меня крыша поедет.

Быстро собравшись, я выскочил на улицу, при этом стараясь не смотреть на дверь квартиры Хамовича. Там по-прежнему торчал постовой, но Евсеева не было.

Наверное, бедный Евсей, сраженный той же «болезнью», что и я, пошел в ближайший киоск, где торговали водкой на разлив (естественно, безо всяких лицензий и разрешений), «подлечиться» приличной дозой спиртного. Водка у нашего участкового была лекарством от всех болезней. Он даже коньяк считал баловством.

Ноги сами принесли меня в ресторан «Ё-мое». Он находился в десяти минутах ходьбы от моего дома, на берегу пруда. На другой стороне нашей городской достопримечательности раскинулся парк с аттракционами, а берег, где какой-то крутой бизнесмен построил ресторан, всегда был неухоженным, поросшим камышом и частично застроенный домами частного сектора.

Нужно отдать должное злостному частнику – свое «Ё-мое» он отгрохал на загляденье. Ресторан был небольшим, но очень уютным. Его сделали в стиле «ретро» – деревянные стены, сложенные из колод, резные наличники и коньки крыши, на подворье везде валялись каменные глыбы (что-то наподобие японского сада камней) и стояли еще какие-то постройки.

В общем, ландшафт был причесан под «старину». Лично мне здесь нравилось почти все. За исключением цен. Когда я впервые увидел счет за свой ужин, волосы у меня поднялись дыбом. И опустились лишь тогда, когда я выскреб из кошелька последнюю мелочишку официанту на чаевые.

После это я захаживал сюда в основном для того, чтобы повыпендриваться на людях, выпив рюмку коньяка, чашечку кофе и съев мороженое. А если и заказывал что-то посущественнее, то только на крытой летней веранде, которая служила одновременно и причалом для лодок. Здесь все было попроще и подешевле, нежели в деревянном теремке.

Что касается названия заведения, то мне кажется «Ё-мое» для него было в самый раз. Хотя бы потому, что нечаянные посетители ресторана, даже вполне состоятельные господа, когда приходила пора рассчитываться и им подсовывали счет, первым делом непроизвольно вскрикивали: «Ё!..» – ну и так далее. Короче говоря, выражались совсем не литературно.

В основном ресторан посещали хорошо упакованные бизнесмены, вороватые чиновники-взяточники из городской администрации и дорогие проститутки. А также случайные клиенты и такие придурки, как я, которые тщились выглядеть респектабельно, когда у них появлялись деньги.

Должен сказать, что солидный нумизмат просто не имеет права отираться в разных сомнительных забегаловках. Иначе среди элиты коллекционеров монет ему нечего будет делать. Не знаю, кем и когда были установлены эти неписанные правила, но выполнялись они неукоснительно. Небогатым и безденежным настоящий нумизмат может быть только в начале своего пути.

Я не стал заползать в деревянное чрево «Ё-мое» и уселся на веранде. Мои легкие жаждали свежего воздуха, а желудок – доброй порции спиртного.

– Чего изволите?

Официант вырос передо мной, как та сказочная Сивка-Бурка, вещая каурка. Он был очень молод, но уже не прыщав.

– Триста. «Абсолют». И лимон, – отчеканил я одним духом. – Да побыстрее!

– Момент-с...

Половой исчез. Он был одет «под старину» – косоворотка, жилет, картузик... Чего только не придумаешь, чтобы завлечь клиентов.

Официант и впрямь задержался в буфете недолго. Спустя две-три минуты на моем столе уже стоял запотевший графинчик с финской водкой и тарелочка с лимонными дольками, посыпанными сахаром.

Первую рюмку я залил в желудок не без внутреннего сопротивления. Мне казалось, что она может тут же вернуться обратно.

Но обошлось. Водка зажгла внутри небольшой пожар, который мгновенно закупорил вкусовые рецепторы, и утихомирил спазм, мучивший меня всю дорогу до самого ресторана.

Закусывать я не стал, а послал вслед за первым водочным зарядом второй. Теперь уже финская покатила более свободно; я наконец почувствовал ее вкус и приятную горечь. Неторопливо поставив рюмку на стол, я взял ломтик лимона и начал задумчиво жевать.

Жизнь как будто начала налаживаться...

Глава 4

Спустя полчаса я уже начал мыслить более-менее сносно. По крайней мере, в мозгах, которые до этого напоминали бесформенный кусок желе, начали появляться извилины. Мне стало понятно, почему мент потащил меня в квартиру Хамовича. Он хотел увидеть мою реакцию. И увидел.

Интересно, какие опер сделал выводы? Что маньяк-убийца при виде крови не может себя вести так, как я? Или наоборот – что я очень ловкий и хитрый тип, способный на артистическую игру?

Естественно, он просто обязан был меня подозревать. И не только меня – всех жильцов дома. Это если по большому счету. И он не успокоится на наш счет, пока мы не докажем свое алиби. Это аксиома.

Почему я не сказал ему, что был в тот вечер не один? Впрочем, это не суть важно. Я точно знал, что мент снова придет ко мне задавать разные вопросы. Вот тогда я и предъявлю ему свою подружку.

Оставался главный вопрос: кто убил Хам Хамыча и за что? Естественно, первое, что бросилось мне в глаза, когда мы с майором вошли в гостиную, была кровь на полу и на стенах. Но теперь я вспомнил и еще кое-что.

В гостиной что-то искали. Искали по-варварски, грубо и безжалостно ломая мебель. Я был уверен, что такая же картина наблюдалась и в других комнатах.

Нет, так обычные воры и даже грабители не действуют. Я, конечно, не специалист в подобных делах, но видел много фильмов и журналистских расследований на подобные темы, читал книги. Ворам нужна тишина, а здесь был устроен самый настоящий погром. Уж я-то слышал...

Наверное, Хамович собрал на кого-то компромат, подумал я, и его решили изъять... вместе с собирателем. Обычная разборка богатеньких Буратино, не стесненных в средствах и не обремененных общечеловеческими достоинствами – такими, как сострадание, любовь к ближнему, порядочность и так далее.

Непохоже.

Нет, точно непохоже. Сначала Хамовича замочили, затем оставили «автографы» на стенах, а потом начали искать бумаги... или что там. Не проще ли было поспрашивать Хам Хамыча, куда он их дел?

Проще. Тем более что Хам Хамыч явно не принадлежал к твердокаменным борцам за светлое коммунистическое будущее, которые и под пытками не выдавали буржуинам военных тайн. Он бы раскололся на раз.

Непонятно.

А что, если у вора-грабителя крыша поехала? Грохнул Хамовича, увидел кровь, взбесился и начал творить всякие чудеса.

Вариант? Да. Люди в наше время, по моим наблюдениям, стали просто сумасшедшими. За деньги готовы на все. А уж за большие деньги... Тут, как говорится, мама не горюй. Страну родную в ад бросят, лишь бы владеть миллионами. Совсем отморозились.

Я, конечно, не записной патриот, но все-таки за державу обидно. Когда видишь рожу власть и деньги имущих на экране телевизора, то можно подумать, что передают репортаж из шабаша вурдалаков. Они такое творят, что временами кажутся инопланетянами, которых к нам послали, чтобы угробить Землю и все живое на ней...

– Привет, Ника!

Чей-то бодрый голос заставил меня вздрогнуть. Я даже дернулся от неожиданности. Повернув голову, я увидел сияющую физиономию Клипера. Он был одним из «жучков», кото-

рые мало что смыслили в нумизматике, но постоянно терлись около, подхватывая крошки со стола солидных коллекционеров.

«Жучки» не собирали коллекций, они делали на монетах бизнес. А так как знаний у них не хватало, то этот бизнес в основном был хилым и малоприбыльным. Но кое-кто из этого шустрого племени прилипал все же мог достаточно безбедно существовать на тот навар, что получался от торговли монетами, медалями и жетонами.

Клипер был самым удачливым. У него имелось чутье. А это в нашем деле главное. Иногда он приносил очень даже неплохие экземпляры. Но никогда не сдавал своих поставщиков.

Я подозревал, что монеты Клипера имеют не совсем чистое происхождение, но углубляться в такие дебри не хотел. Это его проблемы. Что касается раритетов, которые я у него приобретал, то это все-таки были деньги, пусть и старинные, а они, как известно, не пахнут.

Цинично? Да. Но это здоровый цинизм. Я не мент и не законник, чтобы докапываться до корней. Если монета не в розыске, значит, она бесхозная. И ей все равно, в чьей коллекции находится.

Правда, иногда в среде нумизматов случается аврал. Это когда уворуют чью-нибудь коллекцию. В таких случаях срабатывала корпоративная солидарность, и мы начинали работать в качестве добровольных сыщиков-экспертов.

Должен сказать, что на моей памяти уже был такой случай. И он закончился для обворованного коллекционера благополучно. Благодаря, кстати, Князю, который вышел на след похитителей по одной-единственной монетке – дорогому и редкому солиду римского императора Константина I, чеканенному в 309 году в Трире.

Воры знали, кто может купить такую дорогую монету, и принесли ее Князю. А ему хватило одного взгляда, чтобы разобраться, кому она принадлежала.

Дилетантам в нумизматике кажется, что монеты – безликие кусочки металла. Отнюдь. Каждая монета имеет свои отличительные признаки, которые неспециалист заметить не в состоянии. Едва взглянув на раритет, опытный и знающий коллекционер мгновенно составляет в голове его «паспорт».

Это и износ монеты, и качество ее изготовления, и цвет патины (он может быть зеленым, оливковым, черным, красным, голубым и так далее), и состояние поверхности, и квалификация реставратора, который нередко портит монету растворами кислот, пытаясь ее очистить... Каждая царапинка, каждая трещинка вносится в этот «паспорт» как в память компьютера.

И главное – единожды увидев ценную монету, настоящий нумизмат будет помнить ее всю свою оставшуюся жизнь. Короче говоря, Князь не пожадничал, наступил на горло своей песне и сдал торговцев ворованным товаром куда следует. Это был действительно благородный и мужественный поступок. Я как-то поставил себя на его место и вынужден был констатировать, что не знаю, как повелся бы, увидев такой раритет.

- Балдеешь? – спросил Клипер.
- Вроде того...
- Ты не против?.. – Клипер присел за мой столик.
- А то ты уйдешь...
- Гы... Конечно нет.
- Что, «товар» карманы рвет?
- Ну.
- Опять какая-нибудь чепуха?
- Обижаешь, старик. На этот раз товар клевый. Зуб даю.
- Хочешь показать прямо здесь?
- А почему бы нет? Мы тут одни.
- Да. Почти...

Действительно, на веранде кроме нас сидели всего две молодые пары. Но им было не до посторонних. Они влюбленно ворковали – как голубки.

– Ну что? – с надеждой спросил Клипер.

– Давай...

Мне все было безразлично. Полнейшая апатия вползла в душу змеей подкожной и выхолостила все мои чувства. Наступил откат, которому поспособствовало спиртное.

– Смотри... – Клипер, воровато оглядываясь по сторонам, достал из нагрудного кармана бумажный пакетик, постелил на стол носовой платок и аккуратно, будто она была хрустальной, положил на него монету.

Я обреченно вздохнул – мне сейчас Клипера только и не хватало. Это еще тот клещ. Чтобы втюхать свой очередной «улов», он будет преследовать потенциального покупателя днем и ночью.

Клипер доказывал, что отдает воображаемый раритет почти задаром, лишь из уважения к имярек, ныл, клячил, упрашивал, звонил по телефону, напоминал о себе по десять раз на дню при помощи электронной почты... И должен сказать, такой трюк нередко приносил ему неплохие барыши.

На столе передо мной лежал шведский серебряный каролин 1664 года. Все верно: на аверсе портрет короля Карла XI (отсюда и название монеты), на реверсе три короны и обозначение стоимости – две марки.

Монета достаточно редкая, и на ней можно хорошо заработать (если только она не поддельная; но, скорее всего, это подлинник, если мне не изменило чутье). Лично мне каролин не нужен – в моей коллекции он уже был.

– Нужно проверить, – сказал я достаточно безразличным тоном, небрежно отодвигая от себя платочек с монетой.

А иначе Клипер такую цену заломит, что только держись.

– Да ты что, Ника! – загорячился Клипер. – Это же – во! – Он показал большой палец. – Супер!

– Ты сначала скажи, кто ее сварганил, – сказал я иронично. – Не приложил ли руку к этой монетке наш общий друг Чикин?

– Ника, ты чё, в натуре! – обиделся Клипер. – Я когда-нибудь запаadlo тебе делал?

– Не буду врать – не было такого.

Клипер успокоился и заулыбался.

Гравёр Чикин был личностью в нумизматических кругах более чем известной. Его поистине золотые руки могли сработать любой нумизматический раритет, да так, что комар носа не подточит.

В свое время Чикин отсидел, по-моему, лет восемь за свои «художества», и с той поры ушел в тень. Но иногда он выполнял заказы (вполне официально) различных музеев, у которых в коллекциях не хватало какой-нибудь редкой монеты. И эти новоделы даже большие спецы с трудом отличали от подлинников.

Пал Саич – так все его называли – или Павел Исаевич, не только с филигранной точностью воспроизводил аверс-реверс монеты, а затем очень искусно наносил слой патины, но еще и воссоздавал сплав, из которого она была изготовлена. А это уже высший пилотаж.

Правда, в последнее время пошли слухи, что Пал Саич снова взялся за старое – от нищеты. Что поделаешь, жить-то надо, а на пенсию не очень размахнешься. Но будто бы свои новоделы он толкал за бугор и имел с этого весьма приличный навар, что совсем неудивительно.

Однако не пойман – не вор. И мы Пал Саича не осуждали. В этом капиталистическом завтра нужно крутиться вьюном, чтобы выжить. Иначе затопчут. А что касается подделок, так

тут такое дело – или ты спец и что-то смыслишь в своем хобби, или ты дилетант, и тогда плати за свою тупость по полной программе.

Мир коллекционеров никогда не отличался мягкостью нравов...

– Так что, берешь? – с надеждой заглянул мне в глаза Клипер.

– Ну, не знаю...

Я сделал вид, что колеблюсь. Для себя в цене я уже определился. Если перепродать каролин без тягомотины, по-быстрому, то можно без особых хлопот поднять как минимум пять штук зеленю. Это и к бабке не ходи. На самом деле, монета может стоить гораздо дороже, особенно если отдать ее на аукционный стринг⁹.

Но поиски коллеги, который запал бы на нее со всей своей неумемной страстью коллекционера, могли затянуться – на год, два... А я любил быстрые деньги. Купил – продал – получил навар – оставил себе на жизнь и приобрел что-то для своей коллекции – опять купил – опять продал... ну и так далее.

К тому же жадность фраеров губит.

– Ника, купи, а. Я не скрываю – бабки мне сейчас позарез нужны. Ну, вот так... – Клипер для убедительности чиркнул себя ладонью по горлу.

– Что, опять «однорукому бандиту» проиграл? – догадался я.

Года два назад Клипер пристрастился к электронным играм и часами топтался возле игровых автоматов. Ну и, понятное дело, больше проигрывал, нежели получал от своего нового увлечения какую-то прибыль.

– Есть немного, – неохотно ответил Клипер.

– Ладно, братэла, выручу. Сколько?

Клипер замаялся. Я его понимал. Внутри у Клипера шла борьба между жадностью и здравым смыслом. Нужно было его выручать, иначе он мог такую цену впарить, что мало не покажется.

– Понял, – сказал я, доброжелательно улыбаясь. – Держи. И лишь потому, что мы с тобой старые кореша.

Я достал из портмоне триста долларов и положил купюру перед Клипером. Это была наживка. Я был уверен, что мой «карась» обязательно клюнет. Психология...

– Ника! – возопил Клипер. – Это же грабеж среди бела дня! Кругляш тянет минимум на две «штуки»! В принципе, я могу продать эту монету и за три тысячи баксов.

– Тогда о чем базар? – сказал я безразлично. – Продавай. Я не против. Будешь? – Я указал на графинчик, в котором еще кое-что плескалось.

– Нет, Ника, ты все-таки скотина... – Клипер надулся, как сыч.

– Вот те раз... – Я изобразил обиду. – Что я слышу? Ты предлагаешь мне монету, которая запросто может оказаться подделкой, судя по ее отличному внешнему виду, я даю тебе хорошие бабки – хрен его знает за что, а ты губы надул, как барышня, да еще и обзываешься. Тебе отлично известно, что наши дела так не делаются. Чтобы получить две тыщи баксов за монету, нужно заключение эксперта. Это ты можешь какого-нибудь лоха обувать, нажимая на его чувствительные струнки, а меня уволь.

– Ника, но...

– Ладно, вот тебе еще двести – и мы квиты. Кстати, я даже не спросил, каким макарон этот каролин запрыгнул к тебе за пазуху...

Клипер смутился, что-то промямлил и одним быстрым движением сгреб доллары в свой карман. Я неторопливо запихнул монету в бумажный конвертик и положил ее в свое портмоне. Сделка состоялась. Судя по всему, сегодня я буду с хорошей прибылью. Но какой-то нехоро-

⁹ Стринг – подборка монет определенной эпохи, какого-то правителя и т. п.

ший червячок, угнездившийся где-то под сердцем, не позволял мне порадоваться удаче. Нужно было заморить его, гада, быстро и решительно.

– Что ж, – сказал я, – нужно обмыть это дело. Я угощаю. Не возражаешь?

– Спрашиваешь...

Клипер мгновенно повеселел. У него была легкая натура. О деньгах, которые проплыли мимо него, он через какое-то время вспоминал как о прошлогоднем снеге.

Я понял, что голоден, как волк, только тогда, когда официант принес наш заказ. Мой совершенно опустошенный желудок взбунтовался мгновенно, как демократ-либерал, которому при разгоне несанкционированной демонстрации милицейский конь наступил на главную мужскую принадлежность.

У Клипера глаза полезли на лоб, когда он увидел, с каким напором я набросился на еду.

– Ника, тебя что, морили голодом? – спросил он осторожно.

– Нет, – ответил я. – Надо мной ставили эксперимент.

– Извини, не врубаюсь...

– Чтобы добраться до моих мозгов, мне промыли желудок.

– Все равно ничего не понял. Ты говоришь загадками.

– Какие там загадки... Моего соседа-банкира с нижнего этажа замочили вчера вечером.

– Что ты говоришь!

– Ну... А чему ты удивился? Забыл, что ли, как лет десять назад хоронили бизнесменов и братков почти каждый день.

– То было тогда...

– Да, было тогда. Но метастазы до сих пор остались. Соседа буквально размазали по полу и по стенкам. Меня сводили в его квартиру на «экскурсию». Везде кровь... Бр-р! – Я содрогнулся и торопливо залил неприятное воспоминание рюмкой водки.

– Теперь я понял твой пассаж насчет промывки желудка. Менты трепали?

– Ну да.

– И что?

– А ничего. По-моему, опер подозревает, что у меня были причины разобраться с соседом.

– Он что, дурик? У тебя не та профессия.

– Мой покойный сосед был очень шумный и часто устраивал тарарам. Похоже, мент будет поднимать всю мою подноготную: не состою ли я в каком-нибудь национал-большевистском объединении, не числюсь ли на учете в наркодиспансере, не водятся ли за мной грешки по части различных сексуальных извращений... А еще оперу кажется, что я ненавижу богатеев.

– А ты что, пылаешь к ним любовью?

– К ним – нет. К их богатству – да. Вот такой я нехороший.

– Ты и так не бедно живешь.

– Ага. По сравнению с тобой.

Клипер невесело ухмыльнулся и ответил:

– Это точно... Что-то в последнее время фортуна начала обходить меня стороной.

– Ты не догадываешься, почему так?

– Только не надо меня лечить нравоучениями!

– Я не об этом. Ты работаешь по мелочам. А талант собирателя у тебя большой, это несомненно. Кроме того, ты оброс нужными связями, как днище корабля ракушками. Не так ли?

– Так. Но я не понимаю, к чему ты клонишь?

– Ты вращаешься в нашей среде уже лет десять...

– Почти пятнадцать, – уточнил Клипер. – Я начал со школы.

– Вот и я об этом. Через твои руки прошли тысячи монет, среди которых были и настоящие раритеты. Ты уже состоявшийся нумизмат, а при желании можешь стать в нашем деле просто ассом.

– Могу, – не без спеси сказал Клипер. – Но опять-таки я не совсем въезжаю, зачем ты завел этот базар?

– Ты не замечаешь, что у нас торговля монетами идет в основном через клуб нумизматов? Ну, не считая таких «жучков», как ты... пардон. Но и они все несут в общество нумизматов, где надеются получить хорошую цену за свои находки.

– Как не заметить...

– Но в клубе собираются только профессионалы. А вот любители не охвачены.

Клипер пристально посмотрел на меня и спросил:

– Что ты хочешь этим сказать?

– А то, что нужна лавка нумизмата. Пока ее в городе нет, поэтому тебе все карты в руки. И советую поторопиться, чтобы тебя не опередили и не застолбили денежное местечко. Конечно, поначалу много денег вряд ли заработаешь, но доход все равно должен быть неплохим. И главное – стабильным. Молодежь ведь подрастает, наша смена. Куда они сначала пойдут? Ясное дело, в твой магазин.

– Ник, не надо так шутить...

– Я не шучу, я серьезно.

– Откуда в пустыне вода?! Ник, я не при делах. Для начала нужно найти подходящее помещение под магазин и хотя бы тысяч пять монет в ассортименте. Что касается моих финансовых возможностей, то у меня в кармане вошь на аркане. Для того чтобы завести такое дело, требуются бабки. «Штук» двадцать как минимум. Где я их возьму?

– Насчет монет не волнуйся. Наша братва притаранит тебе на комиссию тонну всякой мелочи. Ее просто некуда девать. А выбросить жалко. У меня тоже сотни три-четыре кругляшковых найдется. И не только мусор. Касательно денег можешь не волноваться. Финансирование я обеспечу.

– То есть?..

– Составим кумпанство, как говаривал наш незабвенный царь Петр Алексеевич, – и вперед. Деньги мои, все остальное организуешь ты. Я буду помогать тебе в качестве эксперта. Навар пополам. Естественно, после того как я верну свои денежки. Но это будет в процессе, не сразу. Идет?

– Не верю своим ушам...

– Только о состязаниях с «одноруким бандитом» забудь! Чтобы в казино ни ногой. Понял? Это главное условие.

– Ника, да я... да мы... Ух! Даю слово!

– Естественно, все наши финансовые обязательства мы оформим официально, через нотариуса.

– Как скажешь. Я готов! Нет, не могу поверить... Давай выпьем за нашу фирму! Признаюсь, я уже давно думал об этом, но...

– У кого арендовать помещение под магазин, я знаю. Это не проблема. Оно почти в центре города. Надеюсь, арендную плату с нас возьмут небольшую. Там...

И в этот момент меня словно переключило. Я умолк на полуслове и, медленно повернув голову, посмотрел на пруд. Он был очень большим, и в плане, если посмотреть на него сверху, – то есть с огромного колеса обзора, которое находилось в парке на другом берегу, – напоминал огромную фасоль, положенную на блюдо поверх зелени. Когда-то здесь была речка, но потом она обмелела, и ее перегородили плотинами, чтобы она совсем не пересохла.

Таких прудов было несколько, и все они, как бусины мониста пронизью¹⁰, соединялись тонкими ручейками, которые набирали силу лишь в весеннее половодье. Последний пруд из этой низки, насколько я знаю, заканчивался далеко за городом, на луговине, растворяясь в камышах и болоте.

Все эти пруды со временем сильно заилились, но теперь обрели новую жизнь. Их начали очищать от донных наслоений. С веранды было видно, как вдалеке от нас, у противоположного берега, работает земснаряд.

Едва уходил лед, как на прудах начиналась интенсивная жизнь. Особенно на этом. К парку была приписана лодочная станция, и народ развлекался, катаясь на водных велосипедах, а также на весельных и парусных лодках, которые давали напрокат.

Сегодня на пруду тоже былолюдно. Дул легкий ветерок, и паруса миниатюрных лодочек являлись великолепным дополнением к живописному виду, который открывался перед моими глазами. При некотором напряжении романтического воображения запросто можно было представить, что веранда – это причал какой-нибудь морской бухты.

Но мое внимание привлекла не яркая картина полуденного покоя, а весельная лодка, которая слегка покачивалась на волнах неподалеку от нашей веранды. Она плыла сама по себе. Единственный ее пассажир, худой и длинный, как мачта без паруса, стоял посреди лодки и смотрел на меня какими-то странными немигающими глазами.

Он был одет, несмотря на теплую погоду, в длинный плащ из темно-фиолетовой ткани, сильно выгоревшей на солнце. Плащ гляделся таким старым и ветхим, что, казалось, вот-вот рассыплется прямо на плечах странного незнакомца. И он был застегнут на все пуговицы.

Аскетическое лицо человека в лодке, изуродованное двумя шрамами, покрывала щетина недельной давности, его длинные сальные волосы почти до плеч, уже изрядно тронутые седью, по моему заключению, видели мыло и воду как минимум месяц назад.

И вообще весь он был каким-то непромытым, пыльным, что ли – словно пришел с караваном, который скитался по пустыне очень долгое время. А как на меня, так несколько веков, потому что покрой его одежды никак нельзя было назвать современным.

Так мы глазели друг на друга словно замороженные минуты три, пока волны и усилившийся ветер не отнесли лодку с незнакомцем в длинном плаще за мысок, поросший ивами.

Клипер что-то болтал, но я совершенно его не слышал. Я был в каком-то трансе. Круглые черные глаза незнакомца, бездонные, как самый глубокий омут, висели в воздухе передо мной даже тогда, когда он исчез с моего поля зрения.

– Ника, Ника, ты что уснул? – Клипер дергал меня за рукав.

– А, чего?

Я смотрел на него так, будто увидел в первый раз.

– Что с тобой, Ника?! – встревожился Клипер. – На тебе лица нету. Какой-то бледный... Тебе плохо? Может, в больничку отвезти? Так это мы мигом. Стоянка такси рядом.

– Не надо... В больницу не надо... – Я тряхнул головой, прогоняя наваждение. – Лучше налей... выпьем еще по единой.

– Золотые слова! – обрадовался Клипер.

Мы выпили. Я постепенно приходил в себя. Что со мной случилось? – думал я в страшной тревоге. И все время косился в ту сторону, где еще совсем недавно плыл челн со странным типом. Кто этот человек? И почему из всех сидящих на веранде он вперил свои зенки в меня?

¹⁰ Пронизь – бисерина, просверленный камушек, стеклярус (*устар.*).

Глава 5

Завтрак, который плавно перешел в обед, вылился мне в хорошую копеечку. Но мне к концу нашего с Клипером застолья на это было наплевать. Мы даже песню какую-то спели, когда уходили с веранды. Я так наклюкался, что из головы на какое-то время вылетели все мои тревоги и заботы, а жизнь показалась совсем лазурной.

Расставшись со своим теперь уже компаньоном, я направил стопы домой. Меня ждал нелегкий телефонный разговор с беременной зазнобой, и я хотел, чтобы моя подогретая спиртным отвага не испарилась. Нужно было расставить все точки над «i».

Человек предполагает, а бог располагает. Если нужно морально щелкнуть по носу самоуверенного человека, то это выражение в самый раз.

Я шел и мысленно прокручивал в голове весь наш предстоящий разговор. И в конце концов решил, что с задачей справлюсь. Главное – отбрыкаться. А там видно будет. Ну не хочу я себя связывать семейными узами, и все тут! Потом, когда-нибудь... может быть...

В конечном итоге я решил, что даже готов платить алименты, если моя подружка надумает рожать. Не я первый, не я последний.

И вообще какого хрена я об этом думаю?! Это ее проблемы. Я говорил ей, что нужно побережись, а она все что-то там считала, высчитывала и убеждала меня, что в такие-то и такие дни предохраняться не нужно, что действует она по науке.

Наука, блин! Кто в здравом уме поверит, что процесс зачатия – это наука? Говорят, что браки заключаются на небесах. По-моему, и дети рождаются не по нашей прихоти и уж тем более не согласуясь с различными научными теориями. Пришло время – и ты появляешься на этом свете.

Хочется кому-то этого или не хочется, а когда выпадает жребий, то не помогут никакие ухищрения. И захомутают мужика, да так, что он даже не поймет, как это случилось, и родят ему, сколько положено, и будет он, как вол, тащить свое ярмо до гробовой доски. (Если, конечно, вовремя не спрыгнет.)

И вообще – как я мог довериться женщине?! Бред...

С такими мыслями я подошел к дому и уже вознамерился зайти в подъезд, но тут мне преградила дорогу женщина лет сорока с хвостиком. В ее лице было что-то знакомое, и я машинально сказал:

– Здрасьте.

– Здравствуйте, – ответила она сдержанно. – Вы Никита Бояринов?

– Да... – Признаться, я немного опешил.

– Я жду вас больше двух часов...

В ее голосе послышалась укоризна вперемешку с тревогой. Только теперь я заметил, что у нее глаза больного человека – красноватые, с лихорадочным блеском.

– Зачем? – спросил я, усиленно соображая, что за известие мне придется сейчас услышать.

Но в голове все еще звенели фанфары и гулял балдеж, поэтому здравые мысли пока находились на отдыхе. Лишь где-то далеко вдруг диссонансом прогудел варварский рожок, от которого, как круги на воде от брошенного камня, начала волнами исходить пока еще не осознанная тревога.

– Я мама Веты, – сказала женщина, как-то странно сглотив – будто протолкнула застрявший в горле комок.

Я опешил. Какой Веты?! У меня девушек с таким именем отродясь не води...

Стоп! Вета... Это сокращенное от Елизаветы, насколько мне помнится. Лиза-Лизавета, Элизабет... Бет! Это было имя моей подружки. Обычно я звал ее Лизаветой, но чаще всего

Бетти или Бет. Мне нравилось звучание этого слова. Бет и Ника – это емко, кратко и вообще клево. Бетти не какая-то там провинциальная Лизка, которая коз пасет.

Так это, значит, Ветой мою подружку звали домашние, а передо мной стоит будущая теща? Тьфу, тьфу, изыди! Неплохо бы плюнуть через левое плечо, да как-то неудобно. Я все же воспитанный человек... местами.

Но к своим потенциальным тещам отношусь, как к тем личностям, что летают на метлах. Я их просто боюсь. Мои бывшие подружки много раз пытались затащить меня к себе домой на смотрины, но я отбрыкивался от этой чести как только мог.

Соврать, что к ее Вете-Лизавете я не имею никакого отношения? Ну, это уже будет слишком. Я не мальчик и меня такой компромат мало волнует. Тем более что у нас с Бет все было по согласию.

Неужто она подослала для разборок мамашу? Не похоже. Бетти девочка самостоятельная и не по годам смышленная. Она сама пасть порвет, кому хочешь.

Тогда зачем эта женщина здесь? Нехорошее предчувствие вдруг сыпануло мне за шиворот несколько горстей снега. Я даже вздрогнул.

– Очень... приятно, – ответил я с запинкой.

– Скажите, Вета... Лиза у вас? – Похоже, моя собеседница все-таки сообразила, что домашнее прозвище дочери ее друзья-товарищи могут и не знать.

Ни фиги себе заявочки! Значит, Бет не ночевала дома... А где она провела ночь? И с кем? Блин! Я вдруг почувствовал дикую ревность. Для меня такое состояние было новостью. И тем не менее я неожиданно ощутил себя злостным частником, мужиком, которому наставили рога. Это же надо так – с одной теплой постельки в другую! Ну ладно, дорогая Бетти, я с тобой разберусь...

– С какой стати? – ответил я грубо.

– Извините, я не понимаю...

– Что тут непонятного? Вашей Лизы, – сказал я с нажимом, – у меня нет.

– А где она? – На лице женщины появилось выражения какой-то детской обиды и недоумения.

– Вопрос не по адресу.

– Но она была у вас вчера вечером...

Это женщина сказала утвердительным тоном. Значит, Бетти докладывала мамаше, где находится. Разумно. Ну а мне деваться некуда – нужно колоться.

– Да, была. Но потом вызвала такси и уехала.

– Куда?

– До сих пор я думал, что домой.

– Но дома ее нет!

– Может, она у кого-то из подруг? – высказал я маловероятное предположение, все еще во власти ревности.

Я знал, что Бет своих подруг особо не жалует. Уж не знаю почему. И тем более никогда у них не ночует. Это мне известно с ее слов. И думаю, что она говорила правду. Зачем ей было врать в этом вопросе? Будь она похитрей, себе на уме, сказала бы, что для нее ночевка у подружек – привычное дело. Так иногда поступают даже замужние дамы, чтобы скрыть от супругов свои похождения. Подруга не выдаст... по идее.

– Я опросила всех, – устало сказала женщина. – Вчера Лиза даже не звонила им.

Понятное дело, подумал я. Нам было не до звонков...

– А ей самой вы звонили? – задал я совершенно глупый вопрос.

– Конечно. Много раз. Но ее мобилка не отвечает. Отключена.

Это меня не очень удивило. Бет терпеть не могла звонков из дому, которые иногда раздавались в самый неподходящий момент. Поэтому ее мобильный телефон чаще всего не пода-

вал признаков жизни – когда она была у меня, то понятно почему, а когда уходила, то просто забывала его включить.

– Странно, – сказал я задумчиво. – Куда она могла запропасться?

– Где моя Лиза?! – вдруг истерически вскричала женщина и схватила меня за грудки. – Где она?! Что ты с ней сделал?!

Ну, этого только и недоставало... Похоже, мамаша, как и майор Ляхов, хочет записать меня в маньяки. Заманил, извращенец, к себе бедную юную глупышку, а потом, поиздевавшись над нею вдоволь, убил и закопал где-нибудь за городом. Ход мыслей несчастной матери мне был понятен.

Но где же, все-таки, Бетти? Тревога овладела мною всецело, и мне уже было наплевать, что подумают соседи, наблюдающие за нами из окон и балконов. Похоже, трагедия в моем подъезде взбудорила нашу тихую гавань до самого дна, и теперь жильцы дома начали проявлять повышенную бдительность.

Так бывает всегда, когда случается что-нибудь экстраординарное; например, ограбление с жертвами или теракт. На какое-то время люди превращаются в живые датчики сигнальных систем; они торчат возле окон днем и ночью, а иногда даже создают дружины по охране прилегающей к месту события территории.

Но потом ажиотаж постепенно стихает, люди устают быть в постоянном напряжении, и все возвращается на круги своя. То есть опять появляется полное безразличие к нуждам и тревогам соседей, и лень вместе со своей закадычной товаркой апатией снова ложится на мягкий диван перед экраном телевизора, где нескончаемым потоком плывут потрясающе бездарные и глупые телесериалы.

Впрочем, в этом нет ничего предосудительного. По моему мнению, человек выжил и не сломался в чрезвычайно опасном для него мире благодаря своей счастливой способности расслабляться и выбрасывать прочь из головы все худое. А иначе люди превратились бы в законченных психов и трусов и ютились бы лишь в глубоких пещерах, питаясь мхом и падалью.

– Стоп! – Я сильно сжал ее запястья. – Не нужно кричать. У меня есть план. Пойдемте ко мне.

Она удивительно быстро взяла себя в руки. Умолкнув на полуслове, женщина покорно кивнула, и мы поднялись на мой этаж.

Проходя мимо квартиры Хамовича, я непроизвольно задержал дыхание. Она была заперта и опечатана, но мне вдруг показалось, что внутри нее кто-то есть и он смотрит на меня через дверной глазок. Ощущение было не из приятных, и дальше я поднимался едва не бегом.

Мать моей подружки тоже ускорила ход. Наверное, она решила, что я надумал от нее сбежать. Когда мы вошли в квартиру, я первым делом бросился к высокой подставке на резных деревянных ножках, где находился телефон. Он был еще тот самый, сталинский, сделанный по спецзаказу.

Я решил не менять его из принципа. Кроме того, он был красив. Такие сейчас можно встретить только в антикварных салонах, и стоят они больших денег. К тому же телефон работал уже столько лет как швейцарские часы.

Умели когда-то делать вещи...

Было у него лишь одно неудобство – наборной диск. Современные кнопочные телефоны с различными функциями (такое чудо техники с факсом и определителем номеров у меня тоже имелось – в кабинете) конечно же старичку были не ровня. Он являлся реликтом давно ушедшей, а потому легендарной эпохи.

Но я обычно никуда не спешил, поэтому, лежа на диване, неторопливо и с удовольствием накручивал диск, мечтательно представляя, что на другом конце провода Кремль, а я – известный и уважаемый академик (как мой дед), к словам которого прислушиваются даже забронзовелые чиновники высокого ранга.

Куда звонила Бетти?

Нынче у нас развелось частных таксопарков больше, чем нужно. У меня был целый список с их телефонными номерами, я вырезал его из какой-то газеты – на всякий случай. Обычно я пользовался услугами бывшего государственного предприятия, которое, естественно, акционировали, но порядки в нем остались прежними – жесткими в отличие от прочей таксомоторной вольницы.

Я начал лихорадочно ковыряться в своей памяти и вспомнил, что Бет тоже отдавала предпочтение бывшему госавтопарку. Кроме того, для нее я не раз вызывал такси по номеру этого предприятия, поэтому у моей подружки, по идее, должна была сработать привычка.

Что ж, рискнем для начала. Я набрал знакомый номер, и когда мне ответила девушка-оператор, сухим официальным голосом представился:

– Майор Ляхов, оперуполномоченный уголовного розыска... – Ну и так далее. – Мне нужно знать фамилию водителя, который был вызван... – Я назвал дату, точное время и свой адрес.

Я решил представиться ментом не с бухты-барахты. Назови я свою истинную фамилию и общественное положение, милая девушка на другом конце провода лишь фыркнула бы в ответ – еще чего! Не было печали – просматривать компьютерную сводку вызовов такси за сутки.

Мой расчет оправдался. Девушка без лишних словопрений исполнила все, что я просил. Эта процедура заняла всего лишь две-три минуты. Похоже, учет у них был поставлен на «отлично».

– Водитель Евтюгин Николай, номер машины... – Она продиктовала, а я записал.

– Но он сейчас отдыхает... – почему-то виноватым голосом сказала девушка.

– Домашний телефон у него есть?

– Да. И мобилка.

– Записываю...

Я говорил жестким, непререкаемым тоном. Мент, что с него возьмешь. А будешь, милочка, кочевряжиться, мы тебя враз... Видимо, девушка это прекрасно понимала, поэтому даже не думала брыкаться.

– Спасибо, – поблагодарил я и уже хотел положить трубку, но тут меня опередил вопрос моей собеседницы.

– Извините... – Девушка явно была смущена. – Он что, попал в какую-то неприятность?

– Не волнуйтесь, неприятность не у него. Ваш Евтюгин всего лишь свидетель.

– До свидания, благодарю! – выпалила девушка, и трубка звякнула «отбой».

Похоже, этот Евтюгин – ловелас. Вишь, как о нем заботятся...

Не откладывая дело в долгий ящик, я набрал номер домашнего телефона Евтюгина – мобилу он мог и отключить, чтобы его не тревожили во время отдыха. Обычно у таксистов были постоянные клиенты, которые нередко звонили им даже среди ночи, поднимая бедолаг с постели.

Правда, за такие вызовы таксистам очень даже неплохо платили.

– Ну, чего надо? – ответил мне сонный голос.

Вызов моего телефона зуммерил не менее минуты, пока водила очнулся от сонного состояния. Наверное, он лег спать только утром, так как работал всю ночь.

– Евтюгин? – спросил я прежним «ментовским» голосом.

– Допустим. А вы кто?

Я снова сплел ему побасенку об опере уголовного розыска, после чего, как мне показалось, сон у Евтюгина словно рукой сняло.

– Ну да, я Евтюгин... Николай. Но я не понимаю...

– Вам ничего понимать и не нужно, – отрезал я безапелляционно. – У меня есть к вам несколько вопросов.

– Слушаю...

Клиент обескуражен. Это хорошо. Я скосил глаза и посмотрел на свою будущую тещу. Она глядела на меня огромными глазами, в которых плескалось удивление вперемешку со страшной тревогой, и помалкивала. Наверное, думала: ну и брехло этот бой-френд моей любимой Лизочки!

– Вы помните вызов?.. – Я опять назвал время и свой адрес. – Куда вы отвезли свою пассажирку?

– Конечно, помню! Хорошо помню. Во-первых, вез я не пассажирку, а пассажира. Мужика в годах, на вокзал. Он опаздывал. А во-вторых, по адресу, который вы назвали, никого не было.

– То есть?..

Признаюсь, я был потрясен. Что значит – не было?! А я где в этот момент находился? А Бетти на какой машине уехала? Я же слышал звук мотора.

– Я немного опоздал – не более чем на минуту-другую, – продолжил объяснение таксист. – Клиента не было. Подождав минут пять, я связался с нашим оператором, она позвонила по номеру заказчика, но ей никто не ответил. Честно признаться, я разозлился – что за шуточки?! – и уже хотел уехать, но тут из подъезда выскочил мужик с чемоданом, мы быстро сговорились, и через полчаса я был на железнодорожном вокзале. Вот и вся история.

Я был совсем сбит с толку. Может, у меня дежавю? И Бетти уезжала от меня не вчера, а, скажем, неделю назад?

Ага, ты еще скажи – в прошлой жизни. Но я же слышал мотор машины, слышал! А что, если этот таксист-ловелас посадил мою подругу, отвез ее в лесок, изнасиловал... Потом тюк бедную Лизу по темечку монтировкой – и все дела.

Он говорит, что девушка-оператор перезванивала... Но телефон молчал! Погоди, погоди... Бет уехала, а я... А я пошел в душ! Точно! И плескался там минут десять. А когда льется вода, то в ванной не слышно ни телефонного, ни дверного звонков.

Черт побери! Бет похитили! Но кто и зачем? Машина... Первая машина могла быть той, в которой уехал похититель Лизаветы. Затем появился таксист... козел! Всегда они опаздывают!

На моей памяти такси еще ни разу не приезжало в указанное время – или раньше (а потом с тебя бабки гребут за простой), или позже (в этом случае таксисты молчат как рыба об лед, но денежку все равно свою стребуют).

Все это так, но что если водила врет? Такое может быть? Запросто. Однако расколоть его мне слабо. Это и ежу понятно.

Чтобы не молчать, пока я додумывал свою мысль, мой речевой аппарат сам выдал таксисту малозначимый, как мне тогда казалось, вопрос:

– Когда вы подъезжали к дому, там стояло еще какое-нибудь такси?

– Нет. Кроме моей машины – никого.

– М-да... – Я совершенно запутался и в мыслях и в том, что нужно спрашивать дальше. – Может, кто приезжал, уезжал... – продолжил я не очень уверенным тоном. – Не помните?

– Конечно, помню. Память у меня хорошая, – прихвастнул таксист – От дома отъехала всего одна машина.

– Всего одна... – повторил я машинально, все еще пребывая в растерянности.

Куда же девалась Бет?! Моя версия о похищении конечно же шита белыми нитками. Лизавета запросто могла переночевать не у своих подруг, а у кого-нибудь из моих богемных приятелей. Она была с ними знакома, мы часто ходили в гости. В их квартирах всегда толклись какие-то незнакомые люди – столовались, пили-ели, спали...

– Да, одна-единственная, – снова подал голос водитель такси. – Зато какая.

– То есть?..

– Это был «майбах»! Нет, не новый, а коллекционный. Притом в отличном состоянии. Такое впечатление, что он совсем недавно сошел с конвейера. Весь блестит, сверкает никелем. Супер! Мне б такую лошадку. Я бы на этом немце такие бабки заколачивал... Старые машины нынче в моде. Свадьбы, другие торжества...

– Номер «майбаха» вы не запомнили?

– Зачем? Старинных машин в городе раз-два – и обчелся. А «майбах» мне вообще не доводилось встречать. Так что узнать его не проблема. Между прочим, я работаю на такси уже шестой год.

– Понятно... – ответил я, попрощался с водителем и положил трубку.

Понятного в этой истории было мало. Сплошной туман. Где ты, Бетти, черт тебя дерит?! Почему тебя угораздило сесть в этот «майбах»? А так оно, скорее всего, и было. Неужели захотелось покататься в шикарной машине? Поди знай...

– Ну что, что он сказал? – с надеждой затеребила меня за рукав мать Бет.

– Ничего определенного. В такси она не ехала, если верить водителю.

– Господи! Девочка моя!.. – Мать Бетти заплакала навзрыд.

– Успокойтесь! Ради бога успокойтесь! – Я метнулся на кухню, налил стакан минералки и ткнул его в руки плачущей женщины. – Выпейте, выпейте, вам полегчает...

Вот чего я терпеть не могу, так это женских слез. Меня буквально наизнанку выворачивает, когда рыдает какая-нибудь представительница слабой половины человечества. Я сразу же становлюсь податливым, мягким, как воск, и обычно сдаюсь без боя.

Я понимаю, что женский плач – чаще всего – это оружие, последний шанс выиграть сражение за какой-нибудь пустяк. И все равно ничего с собой поделать не могу. Наверное, у меня чересчур тонкая и впечатлительная натура.

Но материнский плач совсем вывернул меня наизнанку. Что если и впрямь с ее Лизой случилась беда? Ну почему, почему я не оставил ее у себя?! Поведись я по-иному, Бет никогда бы не уехала от меня, да еще в столь позднее время. Идиот, сукин сын, эгоист!

Нельзя, нельзя было отпускать ее одну. Что тебе стоило проводить Бетти хотя бы до такси? Ан нет, пошел у бабы на поводу. «Я сказала – не нужно меня провожать...» А сама думала совсем наоборот. Будто тебе совсем незнакома противоречивая женская натура...

Признайся лучше, что ты страсть как не хотел надевать штаны и чапать на улицу. Ленивая скотина!

– Поезжайте домой, она найдется. Уверен, – сказал я, когда женщина немного успокоилась и перестала рыдать. – Я сейчас вызову вам такси.

– Не нужно... – Ее вдруг потяжелевший взгляд заставил меня вздрогнуть. – Я сама... Пойду в милицию. Тут недалеко.

– Зачем?

– Заявить.

– А если с Бет... с Лизой не случилось ничего дурного? Вдруг она ночевала у какой-то неизвестной вам подружки. Сегодня выходной, ей спешить некуда, вот они там как две сороки и трещат, обговаривают свои проблемы. К тому же, насколько я знаю милицейские порядки, они сразу не бросятся ее искать. Только через двое суток. И то если их чем-нибудь «подогреть» – или высоким положением заявителя, или бабками... пардон, хорошей суммой, желательнее в американских дензнаках.

– Денег у меня нет, но я все равно обращусь в милицию, – упрямо ответила женщина. – Буду просить, умолять... Мое сердце чувствует, что с нею случилась беда.

– Мне не хочется в это верить, и я бы посоветовал вам не торопиться с заявлением. Лиза должна объявиться, я просто уверен в этом. – Увы, никакой уверенности на сей счет у меня не было; но должен же я был хоть как-то утешить несчастную женщину.

– Не знаю, ничего не знаю... Может, вы и правы. Я подумаю...

Когда за нею закрылась дверь, у меня словно гора с плеч свалилась. В ее присутствии я чувствовал себя так скверно, что даже голова заболела.

Возможно, это были остаточные явления похмельного синдрома (спиртное, употребленное в ресторане, выветрилось очень быстро, я уже был совершенно трезв), но, скорее всего, меня начала сильно доставать совесть.

Эта эфемерная, весьма расплывчатая категория в принципе мне была несвойственна. Нет, я не был отмороженным негодяем, но и моралистом себя тоже не считал.

Мне, например, наплевать на политические партии и их программы, на то, что вокруг столько горя и разных бед, на различных кликуш, – как зарубежных, так и наших доморошенных, – которые уже много лет подряд предрекают распад России. Мне совсем не жаль пьян-рвань бездомную, так как в их бедах виноваты чаще всего они сами, ну и, естественно, я безразличен к душевным коллизиям тех девиц, что растеряли свои патриархальные иллюзии после близкого общения со мной.

Я в какой-то мере циник, фаталист и даже где-то нигилист. Мое кредо: что должно быть, то сбудется. Как бы ты не прыгал и не изощрялся.

Однако сейчас я вдруг почувствовал, что не могу оставаться безразличным к судьбе Лизаветы. Нет, это не была любовь, когда ради дорогого тебе человека можно жизнь отдать. И меня совсем не грызли укоры совести на предмет ее беременности. Это дело житейское.

Меня смущало нечто другое. Какие-то странности, которые в последнее время повалили, словно из мешка. Я вдруг вспомнил, как совсем недавно меня терроризировали телефонные звонки. Я поднимал в трубку, спрашивал: «Кто?», а в ответ слышал лишь хриплое дыхание.

Эта эпопея длилась, пока у меня совсем не иссякло терпение. Подняв в очередной раз телефонную трубку и услышав знакомое: «Хр-р, хр-р...», я, отбросив всякую интеллигентность, выдал такую заковыристую тираду с многоэтажными матами, что ей позавидовал бы даже боцман, старый морской волк, просоленный ветрами всех широт.

Короче говоря, я высказал наглецу все, что думаю о нем, о его папе-маме, о братьях и сестрах, о месте его рождения, а также о том, как трудно вытаскивать якорь, засунутый в задний проход. Естественно, это очень краткий пересказ моей вдохновенной речи.

Поупражнявшись в риторике, я взял и на хрен отключил свой кнопочный телефон. Совсем. Не знаю, названивал мне хрипчатый или нет, но когда я, спустя шесть или семь дней, вернул все на круги своя, мой телефонный аппарат снова стал приятным собеседником, по которому звонили только знакомые и друзья. (С родителями я обычно общался по своей музейной реликвии, что возле дивана.)

Но в этот временной промежуток тоже не обошлось без происшествий. Меня стал донимать – практически преследовать – странный (чтобы не сказать больше) нищий. Это был одетый в невообразимое рубище мужик, как мне показалось, весьма преклонных лет, настолько мерзкий и страшный с виду, что он даже начал сниться мне по ночам.

Куда бы я ни шел, этот старец постоянно попадался мне на пути. Согнувшись в три погибели и протянув грязную ладонь, нищий глядел на меня глазами, у которых, как мне показалось, совсем не было зрачков.

И главное, он просил подаяние, не издавая даже мычания, как это делают некоторые псевдопопрошайки, изображая из себя совсем ущербных. Хоть бы слово сказал, сволочь!

Сначала я давал ему мелочь, которая всегда болталась у меня в карманах; я любил шелест купюр и звон монет – эти звуки для настоящего нумизмата как допинг. Но когда он начал встречать мне раз по пять на дню, притом в самых неожиданных местах, я взбунтовался.

Какого хрена! Я что, дойная корова ему, записной меценат или копилка без дна? Делая вид, что не замечаю протянутой руки, я быстрым шагом уходил прочь... чтобы снова встретить его в другом месте. Создавалось впечатление, что он ездит за мной по городу на такси.

Вот зараза! Я же не телефон, отключиться на некоторое время и лечь на дно мне как-то не в жилу. Тем более, что как раз в этот момент я вел переговоры о покупке нескольких ценных экземпляров для своей коллекции. А такие бизнесовые проблемы нужно решать тет-а-тет.

Тогда я выкинул следующий фортель – при очередной встрече достал из кошелька пятисотенную купюру, положил ее на грязную ладонь нищего и сказал: «Еще раз протянешь ко мне руку, урод, протянешь ноги. Забыю, как мамонта. Чтобы я тебя, образина, на своем пути больше не видел!»

После столь проникновенного и горячего выступления этого вонючего и грязного сукиного сына я не встречал. Похоже, слух у него все-таки был. А может, и речь.

Затем случилась наглая и страшная смерть соседа. Она потрясла меня до глубины души. То, что я увидел в квартире Хамовича, не шло ни в какое сравнение с фильмами-«ужастиками», которыми пичкают и оболванивают наш наивный народ большие американские демократы и человеколюбцы, в качестве демонстрации своей мессианской миссии сбросившие на Японию две атомные бомбы.

Ко всему этому можно приплюсовать странное видение, которое продефилировало передо мной в челне, когда я гужевал с Клипером в «Ё-мое». Хмырь в длинном плаще произвел на меня неизгладимое впечатление. От него явно исходила угроза.

Так бывает, когда в террариуме смотришь на разъяренную ядовитую змею. Ты знаешь, что между вами стоит толстое стекло и что она никак не может его пробить, чтобы добраться до тебя, но все равно на сердце холодок, а нервы натянуты как струны.

И наконец, исчезновение Бетти. После ухода ее матери я вдруг понял, что она права – с моей подружкой случилось какое-то несчастье. Я просто уверовал в это, уж непонятно с каких соображений.

Интуиция. Предчувствие. Или как там все это называется. Меня даже дрожь пробила.

Нет, все это точно не к добру. На меня словно надвигалась монолитная стена, готовая в любой момент упасть. Упасть и раздавить, как лягушку.

Прищурился, я даже увидел каменные глыбы, с которых она была сложена. Стена была как живая – меняла очертания, бугрилась, росла, словно ее снизу что-то подпитывало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.